

ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ МИТРОПОЛИТА ХАРЬКОВСКОГО И БОГОДУХОВСКОГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕГО НИКОДИМА

ПОКРОВСКИЙ ВЕСТНИК

СВЯТО-ПОКРОВСКИЙ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ, г. ХАРЬКОВ

№ 9(18), сентябрь 2009 г.

ПРЕПОДОБНЫЕ АНТОНИЙ И ФЕОДОСИЙ

Основатель Киево-Печерской Лавры, преподобный Антоний Печерский, по праву почитается как первоначальник русского монашества. А вот устроение основанной им обители, много послужившей христианизации Руси, – заслуга преподобного Феодосия Печерского.

Первоначальник монашества на Руси, в святом крещении нареченный Антипой, родился в начале XI века и уже в юности стремился к христианской жизни. По внушению свыше Антипа ушел на Афон, где в Эсфигменском монастыре принял постриг и начал уединенную жизнь в пещере неподалеку (пещерку эту и по сей день показывают). Когда молодой инок приобрел в своих подвигах необходимый духовный опыт, игумен отправил его на Русь с послушанием посеять семена иночества. Явившийся в Киев афонец обнаружил здесь несколько греческих монастырей, однако избрал полюбившееся на Святой Горе пещерное жительство. Обладая даром чудотворения, преподобный Антоний исцелял больных, кормя их той же зеленью, которой питался сам, а еще предсказал русским поражение в битве с половцами на реке Альте (1066). Из просившихся к нему первым принял он преподобного Никона. Вторым оказался преподобный Феодосий. Проведший свою юность в Курске, где жили его родители, преподобный Феодосий с ранних лет обнаружил благочестивое настроение духа: каждый день бывая в храме, прилежно читал слово Божие. Отличался он скромностью, смиренiem и другими добрыми качествами. Однажды, прознав, что литургию в храме порой не могут служить из-за недостатка просфор, благочестивый юноша решил сам заняться их изготовлением. Для этого он покупал пшеницу, своими руками молол ее, а испеченные просфоры приносил в церковь.

Мать его, горячо любившая своего сына, не сочувствовала, однако, его устремлениям и укоряла за эти подвиги (а отец к тому времени уже умер). В кон-

це концов будущий перво строитель оставил отчий дом и родной Курск и отправился в Киев.

Когда число сподвижников преподобного Антона достигло дюжины и Иларионова пещерка разрослась до размеров монастырка, он ископал для себя пещеру неподалеку и попытался уйти в затвор.

А игуменство над оставленной им братией выпало преподобному Феодосию. Киновия (общежитие), которую, видимо, первым на Руси ввел у себя именно он, принял за образец знаменитый устав цареградского Студийского монастыря, была такой: имущество братии – только общее, время проводится в непрестанных послушаниях, по силе каждого назначаемых игуменом, каждое дело начинается с молитвы и благословения старшего, помыслы открываются игумену, являющемуся руководителем всех ко спасению.

Преподобный Феодосий лично, часто и ночью, обходил кельи, наблюдая, чем занимается братия и нет ли у кого чего лишнего. При том сам он являлся для братии примером: носил воду, рубил дрова, трудился в монастырской пекарне, одежду носил самую простую, в церковь и на работы приходил прежде всех. А кроме того, отличался великим милосердием к бедным и любовью к просвещению духовному, к чему старался расположить и братию. В обители был им устроен особый дом для жительства нищих, слепых, хромых, расслабленных, на содержание которого выделялась от монастырских доходов десятина. И каждую субботу целый воз хлеба отправлялся из обители заключенным в темнице.

Преподобный Антоний Первоначальник отошел ко Господу 7 мая 1073 года. Обстоятельства его упокоения донес до нас австрийский посол Эрих Лясота, посетивший Лавру в 1594 году. Инок, водивший его по пещерам, поведал ему монастырское предание, будто, когда преподобный почувствовал приближение своей кончины, то простился с братией, и тотчас между ним и прочими иноками обвалилась земля. Иноки захотели откопать мощи преподобного Первоначальника, но из-под земли вырвалось пламя и отогнало их. Они пробовали копать и сбоку, но на них обрушился поток воды. Бытует и современное устное предание, будто археологи, в советское время неофициально пытающиеся раскопать святые мощи преподобного, подобно древним монахам были остановлены посыпавшимися из толщи земной искрами. Интересно, что следы огня и воды за иконой преподобного Антония, стоящей на месте обвала, видны и сейчас. Память преподобного Антония совершается 10/23 июля и вместе с Собором преподобных отцов Киево-Печерских, почивающих в Ближних, по его имени называемых Антониевыми, пещерах (28 сентября /11 октября).

А вот ученик его, преподобный Феодосий, ненамного переживший учителя, просил похоронить его ночью в той пещере, где совершил он затвор во время Великого поста. Но покоился он в своей пещере недолго. В 1090 году, за три дня до праздника Успения, святые мощи его были братиями выкопаны и перенесены в Успенский собор на ее престольный праздник. В 1240 году, при угрозе Батыева нашествия, их спрятали, и со временем (поколения монахов сменяли друг друга) место захоронения забылось. Не исключено, что упокоились они под спудом в соборе, но более вероятно, что упрятали их где-то в Дальних пещерах. Недавно была найдена рака, в которой они когда-то хранились. Память преподобного совершается 3/16 мая, в день перенесения мощей (14/27 августа) и в составе Собора преподобных отцов Киево-Печерских, в Дальних (Феодосиевых) пещерах почивающих (28 августа/10 сентября).

Общая память преподобных Антония Первоначальника и Феодосия Печерского совершается 2/15 сентября.

МИССИЯ ЛАВРЫ

Вклад Киево-Печерской обители в дело христианизации Руси незаслуженно забыт. А ведь тема эта весьма интересна: трудно представить себе проповедь православия на древнерусской земле тем же методом философских диспутов, которым пользовался в своих проповедях апостол Павел в греческом ареопаге, или путем полемических трактатов, по примеру апологетов первых веков новой эры на римском Востоке.

Древний славянин в принципе исходил из кардинально иных мировоззренческих установок, нежели человек эллинистической культуры. Религия древних славян была отнюдь не богоищущей, подобно элинской, а «природоведческой», и заключалась в наблюдении за внешними сменами календарных циклов. Древний славянин стремился соблюсти некую гармонию между собой и миром неживой природы, миром живых и миром усопших. Бог был для него безличен и растворен в самой природе.

Однако для христианина природа – лишь часть творения, прекрасная, но далеко не главная. В центре разумного бытия – человек, единственный залог гармонии внешнего и внутреннего мироустройства. Как было объяснить славянину, едва омывшемуся в крещальной купели, непреложную христианскую истину, полагающую в основе разумного бытия познание не магических свойств мира внешнего, а созерцание внутреннего мира своей души, **не природной магии, а духовного трезвения?**

Человек в те далекие времена воспринимал жизнь прежде всего на собственном опыте, а потому объяснить и научить его этой новой премудрости можно было лишь собственным примером – скажем, уйдя в глубину своей души, в темную, как наш душевный мир, пещерку монастыря с едва теплящейся лампадкой веры, любви, кротости и смирения.

Так славянский мир увидел великих подвижников Антония и Феодосия и всей душой возлюбил их подвиг, еще не успев до конца отвыкнуть от языческих обычай-

ев и понятий. Именно поэтому столь живучими оказались у нас дохристианские обрядовые традиции, вполне ужившиеся с восточным монашеством и святоотеческой письменностью. Никаких крестонощцев, вершивших свою миссию «мечом апостола Петра», на Руси не было. Древний русич, всей душой полюбив то, что несли ему преподобные Антоний и Феодосий и другие подвижники, сперва почувствовал себя христианином по духу, а уже потом научился выражать это в своем быту. Именно преподобные отцы Печерские стали мерилом мудрости и духовного богатства, которыми полна древнерусская культура.

«Православные монастыри (№1). Путешествие по святым местам: Киево-Печерская Лавра»

2 сентября – память о. Серафима Роуза

Иеромонах Серафим Роуз один из основателей и редакторов журнала «Православное слово» и один из

основателей Братства и монастыря преп. Германа Аляскинского в Палестине (Калифорния) почил о Господе 2 сентября 1982 г. Он родился в 1934 г. в Калифорнии и рос в типично американской протестантской семье.

В Калифор-

нийском университете получил степень магистра языка. С Православием он впервые встретился в 1961 г., попав на лекцию выпускника Джорданвильской духовной семинарии Глеба (позже игумена Германа) Подмошенского.

В 1963 г. При участии о. Серафима под эгидой блаж. памяти архиепископа Иоанна (Максимовича) Братство преп. Германа Аляскинского было основано с миссионерскими целями обращения в православие англоязычного населения. В 1965 г. началось издание «Православного слова».

О.Серафим своим словом вдохновлял тысячи людей. Некоторые его проповеди принадлежат к самому вдохновенному, что сказано на английском языке. Последние годы жизни о.Серафим в своих беседах подчеркивал необходимость постоянной духовной собранности. Казалось, он предвидит надвигающиеся апокалиптические времена. Это было сформулировано одной фразой «Сейчас уже позже, чем вам кажется». О.Серафим сделал во славу Божию для распространения христианства больше, чем кто-либо другой из рожденных на американском континенте. Да упокоит его Господь со святыми и да присещает Свет лица Его. Вечная ему память!

однажды они увидели, что больной идет в храм и несет икону Богоматери. Его остановили, и больной рассказал, что ночью, когда он лежал на одре в беспомощном состоянии, он услышал голос, приказывавший ему перенести из хижины в церковь образ Богоматери, за что было ему обещано выздоровление. Больной поднялся, но потом опять лег. На утро последовало вторичное повеление. Тогда он встал с постели и увидел на столе икону Богоматери. С благоговением он приблизился к образу, стер с него пыль, пошел в церковь и в это время почувствовал себя совершенно здоровым.

Этот образ Божией Матери получил наименование Михайловской иконы от той Михайловской церкви, в которой он раньше хранился.

13 сентября – святителя Геннадия Патриарха Цареградского

Он был поставлен во главе Константинопольской Церкви в 458 году, царствования святого благоверного царя Льва Великого (457-474). Святитель Геннадий отличался кротостью, терпением, чистотой и воздержанием. Случай, свидетельствующий о великой силе молитвы св. Геннадия произошел с одним живописцем, который осмелился написать образ Христа, придав Спасителю черты языческого божества Зевса. Рука живописца, совершившего такое святотатство тотчас иссохла. Живописец принес в церкви покаяние, исповедав при всех свой грех Патриарху. Святитель Геннадий помолился о согревшем и рука живописца исцелилась.

Для устранения возникших в церкви беззаконных действий и лжеучений свт. Геннадий созвал поместный собор, на котором была осуждена ересь Евтихия и запрещена симония (посвящение в сан за мзду). Святитель заботился, чтобы лица, желавшие принять священный сан, были хорошо знакомы со Священным Писанием и знали наизусть псалтирь.

Святитель Геннадий управлял Константинопольской церковью 13 лет. Он мирно скончался в 471 году.

1/14 сентября – начало церковного новолетия (церковного индикта) – 7518 года от сотворения мира

1/14 сентября – иконы Пресвятой Богородицы «Всеблаженная»

Из храма Казанского Богородичного женского монастыря в 1904 году была похищена икона Божией матери.

Печальная весть дошла до патриарха Константинопольского Иоакима III, который близко к сердцу принял утрату. Он принимает великодушное решение – сделать копию с иконы Богоматери «Паммакариста» или «Все-

5 сентября – Михайловской иконы Божией Матери

Местночтимая Михайловская икона Божией Матери находится в Успенском храме села Большой Писаревки Богодуховского уезда Харьковской губернии.

На месте Успенского храма прежде существовала Михайловская церковь. При ней была изба-богадельня, предназначенная для пристанища странников и бесприютных. В ней однажды тяжко заболел один странник и пролежал около года. Все посещавшие богадельню считали его неизлечимым. Но вот

блаженной», которая находилась в Константинопольском патриаршем храме.

Это была очень древняя икона и всеми почитаемая. Ее историю помнили греки со времен падения Византийской империи (1453 г.) под ударами османских турок. Икона Паммакариста («Всеблаженная») была свидетельницей надругательств над православной церковью. По приказу султана Магомета II (1453-1481гг.) многие храмы сознательно разрушались (например, храм Святых апостолов) или превращались в мечети.

Этой участи не миновал древний храм святой Софии. В греческом Типиконе, изданном в 1838 году, Паммакариста («Всеблаженная») именуется чудотворной. Именно

с нее и был сделан список. Древнегреческая школа иконописи выделяет эту икону из всех прочих российских православных икон.

Похищение иконы из храма еще несколько десятилетий назад считалось проявлением великого святотатства и относилось к разряду тягчайших. А потеря иконы воспринималась послушницами монастыря, как трагедия.

Понимая такое обстоятельство, константинопольский патриарх Иоаким III, совершая дар иконы «Паммакариста», поступил истинно по-христиански. В России ее стали называть по-русски – «Всеблаженная».

ПАЧАЛО ИНДИКТА – ЦЕРКОВНОЕ НОВОЛЕТИЕ

Иерей Константин Селезнев

Пожалуй, самым незаметным православным праздником является церковное новолетие, которое в церковном календаре торжественно именуется началом индикта. Готовый праздновать гражданский Новый год и первого и четырнадцатого января, не отказываясь разделять праздничную новогоднюю трапезу с мусульманами, буддистами и иудеями, современный мир плохо знает, когда же начинается наш православный церковный год.

И в Римской империи, и на Руси наступление Нового года праздновалось первого марта. Древние Александрийские астрономы обосновали эту традицию тем, что Бог, по их расчетам, завершил творение мира именно первого марта, в пятницу, которая предшествовала дню отдохновения – субботе.

Православным хорошо известна та из десяти заповедей Божиих, данных пророку Моисею на горе Синай, которая заповедует седьмой день посвящать Богу. Об этом говорится в ветхозаветной книге «Исход». Меньше известна другая заповедь, также данная Моисею Богом (книга «Левит»): «Месяца седьмого в первый день месяца да будет вам покой... и принесите жертву Господу...» Год в древнем Израиле начинался месяцем нисан, который соответствует нашему марта. Седьмым же был месяц тири, соответствующий нашему сентябрю. Между этими двумя заповедями можно увидеть внутреннюю связь. Господь, творивший мир шесть дней, благословил в 7-й день отдыхать; вот и в году после шести месяцев трудов почти весь тири был месяцем праздников, в первый день месяца отмечался праздник Труб, в де-

вятый - праздник Очищения, 15-го числа - праздник Кущей. «А в пятнадцатый день седьмого месяца, когда вы собираете произведения земли, празднуйте праздник Господень семь дней... в восьмой день священное собрание да будет у вас, инос приносите жертву Господу; это - отданье праздника...», – говорится в Библии. Чем же так знаменателен этот седьмой месяц года для израильского народа, что весь он состоит из нескончаемой череды праздников? Здесь можно просто перечислить. В этом месяце, когда начали сбывать воды потопа, Ноев ковчег остановился на горах Ааратских. Пророк Моисей, сойдя с горы, принес в этот месяц народу скрижали с заповедями Божиими. В этом же месяце начато было сооружение Скинии Господней среди стана израильтян. В этом месяце совершилось и торжественное освящение Иерусалимского храма, построенного при царе Соломоне, и внесен был в этот храм Ковчег Завета. В этот месяц в «день очищения» первосвященник Иерусалимского храма единственный раз в году входил в Святое Святых с тем, чтобы принести жертву Богу. В этом месяце все колена народа израильского отовсюду стекались в Иерусалим на праздник, исполняя заповедь Господнюю: «Субботою суббота да будет вам седьмой месяц, и смирите души ваши пред Господем» (Лев. 23,32). И вот такая значимость праздника для древних евреев подкреплялась еще тем, что с седьмого месяца начинался у них гражданский год. Каждый 50-й год Израильского календаря был, подобно субботе, годом отдохна – в этот год закон Божий установил запрет что-либо сеять на полях и собирать то, что взросло на полях само собой. «Пятидесятый год да будет у вас юбилей». Не только евреи участвовали в этом праздновании, но и слуги, и скот. Даже самую землю, где поселились израильтяне, заповедано было оставлять в покое: не распахивать, не засевать, не собирать ни колосьев, ни плодов – все предоставлялось в пищу бедным людям, а также зверям и птицам. В этот пятидесятый год прощались должникам их долги, отпускались рабы на свободу и каждый человек особенно следил за собой, как бы не прогневить Господа каким-либо грехом. И вот этот священный год, который пророк Исаия именует «лето Господне приятно», у израильтян также начинался в седьмом месяце.

Иудея времен земной жизни Иисуса Христа входила в состав обширной Римской империи. Само слово «сентябрь» – римского происхождения, и значит в переводе не что иное, как «седьмой». Таким образом, понятно, что и у римлян год начинался в марте. Как и слово «сентябрь», слово «индиктион» – римское. Означает оно «объявление, назначение, налог». Когда римский император Август одержал победу над египетскими властителями Антонием и Клеопатрой, последними своими врагами, то для более удобного собирания податей, он установил индиктион продолжительностью в 15 лет. Этот индиктион Август разделил на три периода с тем, чтобы в продолжение всего индиктиона 3 раза, в каждый 5-й год, были собираемы налоги. Такой закон был издан главным образом для отдаленных окраин государства, где трудно было собирать подати ежегодно, так как собранные подати и через 5 лет едва успевали доставить в Рим. Окончив 15-летний круг индиктиона, начинали его снова и 1-й год индиктиона называли новым годом. Такой обычай установлен был с 1 сентября потому, что именно в этот день Август одержал победу над Антонием. Финансовый год в империи начинался «указанием» (indictio) императора, сколько нужно собрать податей.

Налог собирали 1 сентября, по окончании сбора урожая. Поскольку слово «индиктион» и 15 лет воспринимались как связанные между собой понятия, индиктион стали называть каждый новый год пятнадцатилетнего промежутка и само пятнадцатилетие. Еще существовало понятие о периоде времени в 19 пятнадцатилетий, или 532 года. Период в 532 года называется Великим индиктионом. Дело в том, что через каждые 532 года повторяется природная ситуация, когда круги Солнца и Луны начинаются вместе. Для христиан это значимо потому, что именно такая астрономическая ситуация была в день, когда Христос начал проповедовать.

Когда иудеи праздновали Рош-ха-шана (дословно – «голова года», т.е. Новый год), Спаситель пришел в Назарет. Он вошел в синагогу и прочитал слова пророка Исаии: «Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать... проповедовать лето Господне благоприятное» (Лк.4,18-19).

Тогда Христос впервые засвидетельствовал о том, что исполняются ветхозаветные пророчества о пришествии Мессии, что пришел конец Ветхого Завета и начался Новый.

Первое сентября, сменившее привычное 1 марта в России в 1363 году, это дань гражданской византийской традиции. Начало индиктиона – это начало финансового года, начало нового периода сбора налогов. Сам индиктион – одна пятнадцатая часть индиктиона, пятнадцатилетнего промежутка времени, который при равноапостольном Константине утвердился как компромиссная между годом и веком единица отсчета исторического времени. Некоторые историки считают, что счет по индиктионам был введен Константином взамен счета по языческим олимпиадам, которые окончательно были упразднены Феодосием Великим в 394 году. Священ-

ное предание сохранило свидетельство о том, что индиктион был введен в церковный календарь в знак благодарности равноапостольному Императору за прекращение гонений и провозглашение веротерпимости. Решение начинать Новый церковный год 1 сентября было принято на Первом Вселенском соборе в 325 г. Поводом послужила победа императора Константина в сентябре 323 года над соправителем Лицинием, который, несмотря на Миланский эдикт (313 г.), продолжал преследовать христиан на Востоке империи. Отцы собора постановили праздновать этот день в память об окончательном утверждении христианской свободы. Но они вложили в новолетие и глубокий нравственный смысл, перетолковав смысл и значение индиктиона.

«Мы празднуем, – говорили они, – индиктион, не римскими царями установленный, а узаконенный Небесным Царем славы Христом. Христов же индиктион – это Его святые заповеди. Он не требует от нас ни меди, ни железа, ни серебра, ни золота. Но вместо железа и меди Господь требует от нас твердой добродетели и крепкой веры в Бога. Вместо серебра наш Царь Христос ожидает от нас надежды, ибо она лучше, чем серебро обеспечивает человеку благополучную жизнь. А вместо золота Он хочет от нас самой драгоценной добродетели – любви к Богу и человеку, ибо как золото драгоценнее серебра, меди и железа, так и любовь выше надежды и веры. В Писании, ведь, так и говорится: А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» (1 Кор. 13,13).

Так, празднование начала индиктиона стало своеобразным днем победы христианства над силами злобы поднебесной, над усилиями мира погубить его. С этого дня начинается круг неподвижных церковных праздников, богослужение новолетия так и называется «начало индиктиона», оно открывает и освящает весь литургический год. Таким образом, весь круг великих Господских и Богородичных праздников начинается с Рождества Пресвятой Богородицы (8 сентября) и кончается Её Успением (15 августа).

Календарь получает культовый, сакральный характер, он упорядочивает время. Причем для церковного сознания он не зависит от времени, а в известном смысле время зависит от него. Круг церковных праздников как бы освещает текущее время и вводит в него вечность.

С понятием индиктиона и простого индиктиона связано еще одно понятие – Великого Индиктиона или, как его называли на Руси, Миротворного Круга. Великий Индиктион, в отличие от простого, не является хозяйственной величиной. Этот огромный промежуток времени в 532 года определяет пасхальный цикл, а вместе с ним и весь церковный календарь. Создание Великого Индиктиона отцами Первого Вселенского собора было, по сути дела, воцерковлением известного с языческих времен Юлианского календаря.

Праздник церковного Нового года для многих христиан порой проходит незаметно, между тем как первый день годичного богослужебного круга занимает в этом круге особое и знаменательное место. Служба его более

торжественна, на утрени поётся великое славословие, а песнопения дня раскрывают смысл праздника и его значение для нашей духовной жизни. Вершиной богослужения, его венцом считается чтение Евангелия. Оно повествует о начале открытого служения Христа Спасителя после Его крещения и искушения от диавола (Лк. 4,16-22). По церковному преданию, это произошло в первый день иудейского праздника жатвы, который праздновали с 1 по 8 сентября. Поэтому становится понятным и намерение Церкви, которая сделала этот день началом годичных праздников.

С 1492 г. на Руси отмечали новолетие как церковно-государственный праздник. В 1699 г. Петр I повелел отмечать новолетие 1 января, как это было принято в Европе. Но церковная традиция отмечать новолетие 1 сентября сохранилась и до сегодняшнего дня.

Учебный год в церковно-приходских школах всегда начинался с новолетия, что и перешло со временем на все другие учебные заведения. Святая Церковь, провожая своих чад на учебу, молитвенно и с любовью напутствует их словами Христа-Спасителя: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдёте; стучите, и отворят вам...» (Матф.7,7) дверь познания, которое поможет обрести Бога истинного и встать на путь спасения в Его Небесном Царстве.

Литература:

1. С.В. Булгаков «Настольная книга священнослужителя (Москва, 1993 г.)
2. Скарабланович «Толковый типикон».
3. Типикон.

ЖИВОТВОРЯЩИЙ КРЕСТ ГОСПОДЕНЬ

Совсем недалеко от Москвы, в Ярославской области, есть удивительное место, где свершилось одно из величайших чудес – явление Животворящего Креста Господня. И опять говорим мы с вами о чудесах. Эта тема на слуху у всех православных, она волнует, радует и беспокоит. От нее не отмахнуться, её не умолчать. Впрочем, как и не разобраться до конца, не поставить в истории о чудесах все точки над «І». Да и кто мы такие, чтобы мудрствовать над тем, над чем мудрствовать нам не по чину. Леность и апломб – величины равнозначные. Причем первая не устыжается второй, в то время как вторая устыжается первой. Но даже такая неравная конфронтация позволяет мирно сосуществовать этим самодостаточным порокам в нашем непримиримом сердце. Божье чудо обязательно посрамляет апломб, больно щелкает его по задранному носу и побуждает человека к действиям – задуматься, удивиться, сорваться с насиженного места, чтобы самому убедиться в том, в чем убедились тысячи таких же «апломбированных» собратьев. А леность размягчает упругий шаг, в ее мерзопакостной колыбельной пошлие слова и примитивный мотивчик. Не надо... Не стоит тратить времени, обойдусь... Сколько раз, стоя перед мироточивой иконой, «умываясь» холодным Благодатным огнем или радуясь от явных исцелений Божьей водицей из святых родников, моя душа торжествовала от близкого присутствия благодатной Господней силы. И сокрушилась. Почему сидят дома те, кому эти знамения необходимы как воздух, – сомневающиеся, подозрительные, циничные? В чем убеждать верующих? А неверующим – раздолье. Богатейшее «наглядное пособие» для лучшего усвоения самой главной из всех наук – жизни. Но – леность и апломб. Равнозначные величины. И вот опять «чудо позвало в дорогу». Стою у Креста. Огромного. Больше человеческого роста. И дорога-то недальняя: из Москвы автобусом до Переславль-Залесского, а там местный батюшка Олег Колмаков подбросил на машине до села Годено. Затерялось маленько село на российской масштабной карте, промчится мимо лихой водитель по не-отложным делам, глянет мельком в сторону одиноко стоящего почти на пустыре храма и не догадается, что там крест. А

история креста – история знамения с неба. 1423 год – эту дату называет летописец, повествуя о животворящем Кресте. И не только год, но и день – 29 мая (11 июня по новому стилю). Никольский погост называлось то место, где пасли местные пастухи скот. Пасли и пасли, дело привычное, знакомое. Только вдруг увидели они в глубине большой столб света. Убоялись, конечно: откуда быть свету там, куда человеку пробраться невозможно, засосет болотная жижа. А столб несказанного света стоял и стоял. Звал к себе вопреки житейской логике. Перекрестились и пошли. По великим топям, прыгая с кочки на кочку, по темноте – к Свету. И увидели Крест, а на нем распятого Спасителя. А рядом стоящего среди болотной топи Николая Чудотворца с Евангелием в руках. Страх подкосил ноги пастухов, рухнули они перед Божиим чудом в священном трепете. А когда потихонечку пришли в себя, услышали голос от Господнего Распятия: «Будет на сем месте благодать Божия и дом Божий. Исцеления многие будут...» Быстро разнеслась окрест весть о явлении Креста. Собрался православный народ, выбрал представителей идти к местному епископу и просить благословения на строительство храма. Благословенная грамота была получена: строить храм во имя святителя и чудотворца Николая, а предел – в честь Животворящего Креста Господня. Много явных чудес и знамений происходило, пока строился храм. Летопись рассказывает об этом подробно. Храм решили все-таки строить не на самом болоте, а чуть поодаль. Но, видно, не было на такое отступление воли Божьей, не задалось строительство. И стал Никольский погост строительной площадкой. А в ночь перед закладкой первого камня строители за свое смиренение и послушание были утешены: сильный поток воды смыв застоявшуюся болотную жижу и оголил маленький кусочек суши. Стройте храм Божий... Построили. Дубовую, ладную, крепкую церковь. И водрузили в той церкви явленный Крест. Но проходит время – случается в храме пожар. Первое, что хватились спасать местные жители, – конечно же, Крест. А он ни с места. Церковь сгорела дотла. Но какова же была радость православных, когда на горячем еще пепелище нашли они Крест, пречудный, невре-

димый. Благословясь, начали строительство нового храма. Торжественно освятили его и водрузили в нем чудотворный образ Распятия Христова по правую руку от Царских врат, а икону святителя Николая – по левую. «Будут многие исцеления и чудеса от Животворящего Креста...» – услышали пастухи Никольского погоста, когда обретали Крест. Нет случайных слов при чудных Божьих знамениях. Исцеления от Креста начались еще в первом, сгоревшем, храме. Их записывали в особую книгу, которая хранилась в церкви. Да только сгорела та книга. А в новом храме, по нерадению церковного причта, добрая традиция записывать чудеса исцелений не прижилась, пока не приехал помолиться перед Крестом благочестивый боярин из Москвы Петр Лукич. Стал расспрашивать о чудных явлениях от Креста, а в храме только плечами пожимают. Да, исцеляются многие, но конкретно никто ничего припомнить не мог. «Забвением и небрежением великая благодать Божия оставляется», – укорил Лукич нерадивых православных. Устыдились да и восстановили в храме летопись чудес. Писалась она быстро и радостно, странички перелистывались одна за другой. Мне удалось познакомиться с многочисленными чудесами, записанными в ту летопись: исцелениями бесноватых, прозрением слепой девицы Евдокии, возвращением сил расслабленному отроку Никите. Много чудес, о всех не расскажешь. Деревянный храм Никольского погоста просуществовал до 1776 года. На его месте построили каменный. Паломники ехали к Кресту со всех концов православной Руси. Омывали слезами святое Распятие, преклоняли колена и просили помощи, утешения, исцеления, укрепления в вере, Божьих милостей и вразумлений. Но... Это «но» как высокий бугорок на пути почти всех Божьих храмов и православных святынь. Через него не перескочить с разбега, а только усилием устыженной памяти перебраться с трудом и виной за неправедный труд и озлобленность наших потомков. Но пришли богооборческие годы. Разорили храм, закрыли за ненадобностью, ведь с Богом жить – одно беспокойство. Чудотворная икона святителя Николая исчезла. А разве Животворящий Крест оставлять можно? Ну и что с того, что бабушка шла сюда долгими verstами, сбивая в кровь ноги, дабы вымолить тебе, родившемуся заморышу и, по мнению врачей, «нежильцу», телесное здоровье и силы? Вот он ты. Крепкий, розовощекий, кровь с молоком, стоишь перед Крестом Животворящим и ухмыляешься. За воротом рубашки пусто, нательный крест ты снял. Несподручно с крестом-то идти тягаться с Крестом. Давайка его вынесем! А Крест ни с места. – Неси пилу! На куски распилим! А пила, уж на что въедливы ее зубы, об Крест их сломала. – Топор давай! На щепки его! Все равно одолеем! – Топор соскакивал и бесполезно стучал по Распятию. Конечно, они испугались. Крест явной чудесной неприкословенностью вразумлял неразумных детей Небесного Отца. Остановитесь! Но они испугались не явного знамения, а своего страха. И, загнав страх в глубины неправедного сердца, в заполошной злобе стали лить на Крест солянью кислоту. Темные пятна по Распятию – все, чего добились. Рассказывают страшную историю. Один любопытный атеист ре-

шил исследовать породу дерева(!) Животворящего Креста. И – надумал отпилить палец на правой ноге Спасителя. Дерево на этот раз поддалось... Вскоре у несчастного загноился мизинец правой ноги, началась гангрена. В страшных муках он скончался. Мне рассказали, что одна местная жительница решила унести Крест из храма, понимая, что богооборцы в покое его не оставят. И она на своих плечах несет огромный тяжелый Крест именно сюда, в Годеново, где он, по милости Божьей, сейчас находится. Все было не так просто и здесь. Староста храма убегала в лес и пряталась там, узнав, что завтра придут «разбираться» с церковью. Приходили. Несколько раз. Постоят перед массивными церковными вратами, подергают дверную ручку – и уходят. Сейчас в Годеново подворье Свято-Николаевского Переславского женского монастыря. Здесь в храме святителя Иоанна Златоустого и находится ныне Животворящий Господний Крест. Вот сейчас скрипнут тяжелые двери и впустят меня в полумрак церкви, где справа от Царских врат за стеклом он, Крест. Я не случайно рассказала все, что слышала о Кресте до его встречи с ним. Потому что сейчас, когда стою перед этим явленным Божиим даром, слов не находится. Со мной два паломника из Москвы. Один всю дорогу до Годеново слегка постанывал от жутких болей в пояснице. Он еле выплыл из машины, осторожно направился к храму. – Давайте почтаем акафист Животворящему Кресту, – предлагает наш провожатый, священник Олег Колмаков. Какая радость читать акафист здесь, в Годеново, перед чудным Крестом, приведшим к нам в земную жизнь в 1423 году из другого физического измерения ярким столбом света и материализовавшимся поперец всех существующих земных законов, явленным нам в укрепление наших сомневающихся сердец! – Преклоним колена перед Крестом, – произносит батюшка. Пугаюсь его слов и жалостно смотрю на моего болящего попутчика. Ему без посторонней помощи на колени не встать. Хочу помочь, но он осторожно, потихоньку встает на колени сам. Мы молимся коленопреклоненно. Каждый о своем. Встаем. Опять стараюсь помочь, ведь когда болит спина, самому с колен не подняться. Но мой попутчик по имени Сергей Анатольевич Кривошеин легко поднимается сам, смотрит на меня радостно и испуганно: – Не болит спина! Совсем не болит... Вот и я стала свидетелем щедрой чудотворной силы от святого Креста. Всю обратную дорогу Сергей Анатольевич будто сам себе не верил, все повторял: – Не болит спина, совсем не болит, надо же... Наверное, должна я сказать и вот о чем. Мне говорили, что лик Спасителя на Распятии схож с лицом Его на Туринской Плащанице. Это сходство не замечать нельзя. Вы помните, конечно, что Туринская Плащаница – полотняный льняной покров, которым было обернуто израненное Тело Господа нашего при погребении. Плащаница обретена на третий день после Христова распятия и хранилась сначала у Его учеников. Потом в Константинополе. Потом ее вывезли в Западную Европу, и вот уже шесть веков находится она в итальянском городе Турине, поэтому и называется Туринской. Сейчас существует пять точных копий Туринской Плащаницы. Одна из них у нас в Москве,

в Сретенском монастыре. Все, кто видел ее и Крест в Годеново, подтверждают: действительно сходство есть. Теперь могу это подтвердить и я. Едут к Кресту, слава Богу, едут. Даже паломнические организованные поездки устраиваются. Полгода назад позвонила православный экскурсовод Наталья Анатольевна Комарова: – Хочу пригласить тебя в Годеново, к Животворящему Кресту. А я на ту пору ничего про Годеново не знала, дела не пустили, не поехала. А теперь вот радуюсь, что сподобил Господь увидеть чудо. Исцеления от Креста продолжаются. Рассказали в монастыре, как болели руки у послушницы Татианы, ничего не могла в них держать. Молилась у Креста - исцелилась. А раба Божья Валентина мучилась ногами. Всего-то раз и помазалась маслом от Креста и ушла здоровой. Много случаев исцеления грыжи у детей, и молебны служат, и маслицем от Креста врачаются, и водой святой кропятся. Говорят, и онкологические больные исцеляются. В январе прошлого года приехала в Годеново паломница Галина с тяжелым переломом руки, из пальца постоянно сочилась кровь. Молилась перед Крестом и получила исцеление по вере своей. Удивительную историю рассказала монахиня Исидора: - На Рождественских святах погас в храме свет. Батюшки не было. Мы вдвоем с послушницей Валентиной. Что мы сделать можем? Встали перед Крестом на молитву. Свет загорелся и опять погас, опять загорелся и опять погас. Что такое? Вышли на улицу, а на проводах сидят два голубя и возятся, провода от этого качаются, и свет моргаает. И так они возились, пока свет не загорелся окончательно... Улетели. Вернувшись из Годеново, переполненная впечатлениями, рассказала я о поездке двум своим подругам, Серафиме Волковой и Вере Куприя-

новой. Они на другой день: - Едем. На улице метель, мороз, я сама не рада: - Куда вы в такую непогоду... А они упорные: - Все равно едем. Поехали. Через день звонят, переполненные радостью: - Сама наша дорога - чудо. Николаю Угоднику молились, он нас и вел. Ни минуты не ждали ни один автобус, будто у ангела на крыльях летели. Встретили нас мачушки с любовью. Перед Крестом помолились, маслица от лампад нам дали, накормили. Вышли уже к вечеру - ни души вокруг. Местные говорят, машин здесь в такое время не бывает, надо пешком пятнадцать километров идти. Вдруг на встречу машина, разворачивается и к нам, - садитесь, подвезу. Водитель молодой, Николаем зовут. Привез прямо к автобусу на Москву. Мы ему деньги - а он обижается... Животворящий годеновский Крест ждет паломников. Радостно, что такое великое чудо совсем рядом с нами, не в Иерусалиме, не на Афоне, а в маленьком ярославском селе, доступном и по деньгам, и по времени. Только бы не леность и не апломб, только бы не наше традиционное - успею. Иногда очень полезно на себя прогневаться и этим подстегнуть к встрече с чудом. Убеждает только собственный опыт. Опыт веры приобретается только собственными усилиями. Хорошо сказал святитель Игнатий Брянчанинов: «Знамения даны бывают неверию, чтобы обратить его к вере».

Явление Животворящего Креста Господня
празднуется 29 мая / 11 июня
(Крест явлен 29 мая 1423 года).

Наталья Сухинина
с. Годеново Ярославской обл.
Газета «Семья», № 13, 2001

Рубрику ведет Сергей СМОЛЯКОВ

Опыт жизни человеческой

Чтобы служебная деятельность наша сначала и до конца была благоуспешна, мы заранее должны запасаться опытом жизни, или познаниями о людях, их достоинствах и недостатках, о различных осложнениях и превратностях жизни человеческой.

Архиепископ Харьковский и Ахтырский Амвросий (Ключарев) 17 января 1883 года.

В АНГЕЛЬСКОМ ОБРАЗЕ

О монашестве и монашествующих. Что такое монашество? И кто такие монахи?

КАЧЕСТВО ЧЕЛОВЕКА. МОНАШЕСТВУЮЩИЙ

Вот как на этот вопрос отвечает святой Иоанн Лествичник: «Монах есть тот, кто, будучи облечён в вещественное и бренное тело, подражает жизни и состоянию бесплотных (вот почему монашеский чин называется ангельским образом – *Авт.*). – Монах есть тот, кто держится только Божиих заповедей во всяком времени, и месте, и деле. Монах есть всегдашнее понуждение естества и неослабное хранение чувств. Монах есть тот, у кого тело очищено, чистые уста, ум просвещенный. Монах есть тот,

кто, скорбя и болезнью душою, всегда памятует и размышляет о смерти – и во сне и во бдении. Отречение от мира есть произвольная ненависть к веществу похваляемому мирскими, и отвержение естества для получения тех благ, которые превыше естества».

Но начнем сначала. После отпадения от Бога в человеке произошла печальная перемена. В нем образовалась неведомая сила, непреодолимо влекущая его к земле, к благам и наслаждениям мира сего. Это закономерно: перестав направляться вверх, дух человеческий низвер-

гаются вниз с беспокойно-страстным желанием заполнить образовавшуюся пустоту. И вот – нет конца насыщению... Не насытится око зрением, не наполнится ухо слушанием – все суeta и томление духа, как сказано в книге Екклезиаста. Действительно, никакое количество материальных благ не может удовлетворить запросов нашего духа. Мы оказываемся в ловушке.

Всеселое, почти безоглядное поклонение внешним формам всего живого ни у одного народа так не выражалось, как у древних греков. Всеми силами души, кажется, они погружены были в чувствование земной жизни, смотря на нее как на законченное целое, почти совсем не задумываясь о Жизни Вечной. Как дивно прославляли они блага земные!

Однако среди прекрасного праздника, каким представляется цветущая жизнь Эллады, слышатся грустные нотки, которые звучат все сильнее и наконец переходят в вопль отчаяния: «Лучше совсем не родиться! Для живущего благо скорее возвратиться туда откуда пришел он!» Так воскликает Софокл в трагедии «Эдип в Колоне». Как хорошо знакома человечеству горечь разочарования. «Все суeta», – слышится со всех сторон мира, с берегов Ганга, из тогдашнего духовного центра – Александрии, из столицы мира – Рима... Прошло несколько веков. Пирры героев отошли в область преданий. Вместо них, увлекавшихся славой и кровавой корыстью, вместо гостей, увенчанных розами явились другие люди с другими устремлениями; их привлекали суровые египетские пустыни, одинокие пещеры. Подвиги воздержания страшные лишения, слезы сокрушения, непрестанная молитва отречение от суэтных радостей мира – вот что вдохновляло этих новых людей.

Но всмотримся повнимательнее: в них нет и тени той грусти, что уже омрачала веселые песни Гомера. Не ведая радостей мира, они до глубокой старости бодры и радостны духом и твердо знают, что этой радости никто у них не отнимет, даже сама смерть.

Евангелие открыло миру новый неведомый язычество смысл жизни. Пред очами души засияла новая красота, перед которой поблекла красота мира сего. В мир явилась Божественная Мудрость, научившая людей умирать для жизни. Огонь, низведенный Спасителем на землю, воспламенил новую жизнь в сердцах людей, оживотворил дух в его высших стремлениях, воссоединив с Богом. И не было границ самопожертвованию в служении Богу живому – вот чем встретило истомившееся человечество Евангельское благовестие!

Тем горше в наши дни слышать искушительные речи о земных благах, правах и счастье. Как будто человечество не «болело» уже этой идеей. С грехом, с тяготением к земле мы родимся на свет, и, чтобы ослабить его силу, мы должны вступить в борьбу с ним, войти в подвиг, подвигнуть себя к высоте помыслов, к просветлению души. А это не так легко, как катиться вниз и следовать врожденным наклонностям. Борьба, подвиг, напоминание всему миру, что «наше житие на небесах есть» – вот суть монашества. Мы здесь лишь странники. Воистину наша земная жизнь есть великая школа, приготовляющая нас к Жизни Вечной.

Мы самолюбивы и горды, и нам посыпаются грозные уроки: мы подвергаемся болезням, нас постигают неудачи, смерть похищает наших дорогих и близких, наконец, старея, мы сами начинаем чувствовать ее неотвратимое

приближение и понимаем, что скоро мы потеряем все, что возлюбило и к чему привязалось здесь наше сердце. Некоторые в виду зияющей могилы находят в себе силы отречься от мира и его утех. Но люди, чуткие к зову благодати Божией, задолго до кончины добровольно решаются умереть для мира. Воистину святые отшельники не кто иные, как наши старшие и более мудрые братья. Иночество, или монашество, имеет свой корень в самой сущности христианства.

А теперь немного истории. Обычно начало монашества связывают с именем преподобного Антония Великого. Он родился в Египте около 250 года в христианской коптской семье. Совсем еще молодым он услышал слова Евангелия: «Если хочешь быть совершенным, раздай все, что имеешь, бедным и следуй за Мной» – и был потрясен этим. Он так и поступил: раздал имущество и посвятил себя аскетическим подвигам, сначала в своей деревне, а потом в пустыне, где провел двадцать лет. Затем он выходит из затвора, и к нему начинают стекаться люди.

Вспоминаются слова апостола Павла из Послания к Галатам: «Я не желаю хвалиться разве только Крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят, и я для мира» (Гал. 6, 14). Авва Дорофей так их толкует: «Когда человек отрекается от мира и делается иноком, оставляет родителей, имения, приобретения, торговлю, даяние (другим) и приятия от них – распинается ему мир, ибо он отверг его... Когда же, освободившись от внешних вещей, он подвизается и против самих услаждений... против своих желаний и умертвит свои страсти, тогда и сам он распинается миру»¹.

Уединение от мира вовсе не означает отделения, отчуждения от людей. Можно жить в многолюдном городе и быть совершенно чуждым своим ближним, равнодушно смотреть на страдания брата, и, наоборот, живя в пустыне, можно быть соединенным с людьми неразрывными узами братской любви. Любовь по преимуществу сила, действующая и на расстоянии. Да, великие подвижники уходили из мира и восходили на высоты уединения, на небо безмолвия, но благодаря этому они стали видимы миру, услышаны им. Их уединение – это всемирная кафедра, по словам пресвитера Руфина.

Сверхприродная сущность христианства всегда нуждалась в некоем абсолютном выражении. Христиане первых веков дышали одним огненным чувством любви ко Христу. Оно настолько поглощало их внутреннего человека, что они могли без сомнения повторить слова апостола Павла: «Уже не я живу, но живет во мне Христос!» Поэтому-то так потрясают нас древние свидетельства о мучениках. В одном из древних Мартиологов читаем: «Умоляю вас, братья, не оказывайте мне неуместной любви. Оставьте меня сделаться пищей зверей... Простите меня, я сам знаю, что мне полезно. Ни видимое, ни невидимое – ничто не удержит меня прийти ко Христу. Огонь и крест, толпы зверей, рассечение, расторжение, раздробление костей, отсечение членов, сокрушение всего тела, все лютые муки диавола пусть придут на меня, чтобы только мне достигнуть Христа! Его ищу, умершего за нас, Его желаю, за нас воскресшего... Хочу быть Божиим: не отдавайте меня миру. Пустите меня к чистому Свету... Живой пишу вам, горя желанием смерти!»

С какой непостижимой высоты звучат эти слова! Но ведь подвижничество первых веков и впоследствии монашество по своему внутреннему значению как раз и есть продолжение подвига святых мучеников. И тут и там – пламенное желание подвига, как живое выражение пламенной любви ко Христу. Преподобные явились на земле в лице тех, кто всеми силами души стремился уподобиться Иисусу.

Само слово «преподобный» свидетельствует об этом. Вот как объясняется оно в одной из проповедей XVIII века, произнесенной в день памяти преподобного Нила Сорского: «Напишет живописец портрет живого человека, и тот портрет будет подобен тому человеку. Но другой, искуснейший в сем художестве, напишет с того же человека образ искуснее и похоже первого, и первый может называться подобным, второй в сравнении с первым преподобным, подобнейшим первого. Так, всякий человек в разумной душе своей имеет образ и подобие своего Творца. Но не во всех он соблюдается. Ибо каждый, допускающий себе многие грехи, помрачил и обезобразил образ Божий и уподобился несмысленным скотам. А те, кто соблюдает себя от духовных скверн, в тех душевный образ Божий светел и подобен своему Создателю. И чем усерднее кто трудится в угодлении Богу, тем светлее в нем образ и подобие Божие. А кто отрекся от мира и, восприяв

монашеское житие, касается величайших подвигов бессупружного жительства и хранения беспорочной чистоты и повседневно подвизается в умерщвлении себя, в душе такого образа Божий есть подобнейший Богу. И потому угодивший Богу в иночестве называется преподобным.

И еще об одном. Многие желают уподобиться Христу в смирении, в кротости, в милосердии, в незлобии, в нелицемерной любви и в других добродетелях, бывающих без великого труда. Какой же труд никого не обижать, не убивать, не красть, не желать чужого, не лгать, не осуждать и упражняться в прочих добродетелях, чтобы быть христоподобным! Но весьма мало подобающих Христу в страданиях Его, в ношении со многим трудом креста и в распятии».

Борьба с диаволом, которого Евангелие называет «князем мира сего», созидание в себе нового человека – по образу Христа и, как последняя цель – «обожжение», то есть общение с Богом, созерцание Его света, обладание «миром и радостью во Святом Духе», как уже апостол Павел определил Царство Божие, – вот идеал монашества и его опыт, запечатленный в обширной монашеской письменности.

Монашество на протяжении уже многих веков являет нам реальность нового неба и новой земли, тоску по которым Евангелие навсегда привило человеческой душе. Монашество становится как бы солью христианского мира. Найдена внутренняя мера христианского делания в истории, она позволяет не только видеть грехи и падения, но и осмыслить наконец извечную борьбу добра и зла.

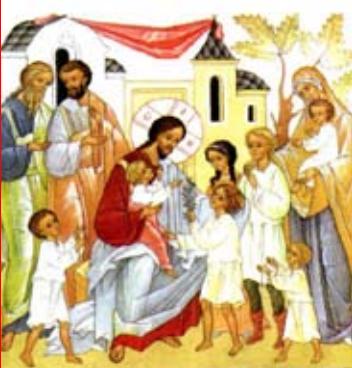
И все это символически отображено в самой одежде монашествующих. Авва Дорофей так поясняет ее: «Одеяние, которое мы носим, суть символы. Мантля, не имеющая рукавов, что означает? Рукава – подобие рук, а руки обозначают действия. Итак, когда хотим украдь, или ударить, или вообще сделать нашими руками какой-нибудь грех, мы должны обратить внимание на одеяние наше и вспомнить, что не имеем рук. Есть у нас и кожаный пояс. Во-первых, потому что мы готовы на дело: ибо каждый, желающий что-либо делать, сперва препоясывается. Во-вторых, пояс из «мертвой» кожи, так и мы должны умертвить нашу похоть. Надеваем мы и куколь на голову, символ смирения (современные монашествующие обычно носят клубок с наметкой (покрывалом) – Лет.) Куколи носят малые младенцы, мы же носим, чтобы младенчествоовать злобою, не гневаться, не тщеславиться, не мстить за оскорблении. Итак, будем жить сообразно с одеянием нашим».

Таким образом, ничего более трудного, чем монашество, нет в нашей земной жизни. Это ангельское воинство пребывает в вечной борьбе с грехом человечества. Истинная линия фронта, конечно же, пролегает в сердце каждого человека, но монастырь – это духовный форпост, где творится вечное молитвенное бдение за весь мир и за каждого из нас.

Милые гадушки

УРОКИ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО

Было время, когда славянским племенам проповедовали христианскую веру на чуждом им языке немецкие и латинские епископы. И вот однажды моравский князь Ростислав прислал послов к императору Михаилу с просьбой послать ему проповедников христианской веры, могущих проповедовать на славянском языке. Выбор пал на Кирилла, младшего из братьев, который получил прекрасное образование при дворе, где с большим желанием изучал науки, а в особенности Священное Писание. К тому времени славяне не имели азбуки и письменности. Тогда, уповая на помощь Божию, Константин решил сложить Славянскую азбуку. Святой удалился в келию, усердно моля Господа о даровании ему сил для свершения сего великого дела. Когда азбука была составлена, в нее вошли буквы из латинского и еврейского алфавитов. Константин со своими помощниками принялся за перевод Евангелия. На славянский язык была переведена часть Библии, Псалтири и весь церковный чин. После смерти Кирилла

старший брат его, Мефодий, вместе со своими учениками перевел книги Ветхого Завета. Благодаря трудам святых братьев славяне совершали богослужения на родном языке. Многие уверовали и крестились, усердно слушая слово Божие из уст славянских праведников.

Поскольку церковнославянский язык – язык богослужений, то и нам с вами нужно знать и понимать его. Ведь каждый раз, приходя в храм на богослужение мы слышим прекрасный и поэтический слог, бережно хранимый Православной Церковью.

Современный алфавит берет свое начало от кириллицы, хотя многие буквы сейчас утрачены.

Церковнославянские буквы следует запоминать вместе с их именами. А имена-то у них диковинные, непривычные нам!

Толковая азбука Константина Философа

(в схеме Кирилла, святого и равноапостольного Учителя словенского)

А	а́зъ є́смъ всемъ міръ свѣтъ	на крестѣ пропаща ма
Б	бѣ́ть є́сть прежде всехъ вѣкъ	О́цта и́ жéчи напо́ниша ма
В	вѣ́даю всю тайну человѣ́ческю	праведнаго сна вѣкъ
Г	глаго́лю сына́мъ человѣ́ческимъ	раздѣ́лиша ризы мо́л се́бе
Д	добро́ є́сть вѣ́рюши мъ во и́мя моё	стѣдно грѣхъ соде́вающіе
Е	есть гнѣвъ мо́й на грѣшники	терновъ вѣнѣцъ возложиша на ма
Ж	жизнь є́сть всемъ міръ	о́мыль пілать рѣцъ, рече: неповиненъ є́смъ ѿ кроке праведнаго се́ги
З	злъ	фарсéн же воніахъ: возьми, возьми, распинь ёго
И	законопрестѣпникомъ	хотѣ же спасе́ти ва́шего, вси претерпѣхъ ѿ неправедныхъ беззаконникъ
Н	землѧ подножиे ногамъ мои́мъ	царски вѣмъ подпиша Освобождёнє
О	иже престо́лъ мо́й на небесахъ	чи́сты ва́сь приводя своемъ Отца
Р	о́держаниe моё до конца земли	шатанія вѣсовскаго Освобождам ва́сь
С	како́ совѣщаша на ма золъ совѣтъ	щедро́тами своего человѣколюбія
Т	люде́ мои законопрестѣпники	
Ч	мыслиша на ма зламъ за благамъ	

МОЛИТВОСЛОВ ДЛЯ САМЫХ МАЛЕНЬКИХ

Хочешь ли ты, наш маленький читатель, научиться молитве к Богу? Желаешь ли узнать самые важные молитвы? Готов ли для того потрудиться? Если да, то внимательно прочитай все написанное. Молиться Богу можно всегда и везде. Он нас видит и слышит, и не найдется такого места, где Его нет. Конечно, особенно хорошо молиться Отцу Небесному в храме. Но часто мы молимся дома перед иконой Господа Иисуса Христа или Его Пречистой Матери. Хорошо, если ты можешь перед молитвой зажечь лампадку или свечу, тогда домашняя обстановка будет больше напоминать тебе храм Божий. А еще важно знать, что нужно сделать, прежде чем помолиться Богу.

Как ты думаешь, можно ли приступить к молитве тогда, когда в комнате парит беспорядок: не убрана постель или повсюду валяются разбросанные игрушки? Приятна ли Господу будет твоя молитва, если ты

накануне кого-нибудь обидел и не попросил прощения?

Угодна ли Богу такая молитва, при которой слова произносятся без внимания, поспешно, лишь бы поскорее все прочитать и бежать гулять?

Примет ли Христос Господь наши просьбы и мольбы, если мы стоим перед Ним небрежно, без должного почтения, отвлекаемся, например, смотрим в окно или в потолок?

Наверное ты уже понял, как нужно себя вести. Поэтому давай теперь учиться молитве.

Прежде всего сложи вместе три пальчика правой руки: указательный, большой и средний, затем пригни к ладони безымянный палец и мизинец и осени себя крестом. Сначала прикоснись ко лбу, потом к поясу, вслед за тем к правому и левому плечу со словами: ВО ИМЯ ОТЦА, И СЫНА, И СВЯТАГО ДУХА. Аминь.

Какая чудная молитва! Ею молимся во имя, во славу Пресвятой Троицы. Всякое дело во славу Господа Бога. Но как?

Эту молитву обычно читают перед началом какого-то дела. Например, перед началом учения,

перед тем, как убрать свою комнату или идти гулять. Со вниманием сердечным произноси слова молитвы, осеняя себя крестом. И притом обязательно закончи словом АМИНЬ, что значит: истинно так, сущая правда.

Кто так помолится, тому Бог поможет.

А когда самый первый раз можно так помолиться? Когда еще лежишь в

постели и тлько-тлько проснулся. Чуть открыл глаза, тотчас осени себя крестным знамением и призови Пречистую Троицу. Не забудешь утром этой молитвы, и весь день Бог будет с тобой.

Хочешь ли теперь узнать о молитве маленькой-маленькой молитве, но очень важной. Молитву эту даже не нужно заучивать: ГОСПОДИ, БЛАГОСЛОВИ!

А почему она важная? Потому, что так помомлясь, никогда не сотворишь ничего плохого.

Захотел ты что-либо сделать не очень хорошее, предположим, взять без спроса печенье... Сможешь ли перед тем сказать: «Господи, благослови?» Нет, не сможешь. А раз не произносится молитва, то и не бери: значит, Господь не велит. Пришла тебе мысль поделиться цветными фломастерами или карандашами с твоим другом, с которым вы вместе рисуете дома или в школе. Произносится молитва? Очень даже! Сразу произнеслась! Значит Бог благословляет делиться, впредь так и поступай.

А теперь еще одна коротенькая молитва: ГОСПОДИ, ПОМИЛУЙ!

Когда нужно эту молитву произносить? Всякий раз, когда просишь у Господа прощения. А прощения у Него просим, если согрешим. А согрешаем весьма и весьма часто. Если не послушаешь родителей или учителя, сразу же постараися исправиться и сказать: Господи, помилуй!

Обидит ли кто из сверстников, и в этом случае не обижайся в ответ, не начинай драться, не отвечай грубо, но скажи про себя: Господи, помилуй!

Тогда Господь увидит твое покаяние, поможет тебе исправиться и всех примирит.

А теперь скажи, из каких частей состоит слова «спасибо»? Ты правильно решил: Спаси – Бо(г). Раньше именно

этими двумя словами – *Спаси Бог* – благодарили люди друг друга.

И это тоже молитва, самая настоящая. Поэтому, если хочешь поблагодарить кого-нибудь, от всего сердца, желаю спасения человеку, скажи ему: «*Спаси Бог!*», «*Спаси, Господи!*» или «*Спаси, Христос!*»

Видишь, сколько молитв ты уже знаешь! Попробуй выучить их хорошенько, и ты увидишь, как они помогут тебе.

*Российская православная газета №3 (111),
январь 2005 г.*

СИЛА ДИТЯЧОЇ МОЛИТВИ

– В нашему селі, – розповідає один старець, згадуючи свої дитячі роки, – сталася пожежа. Загорівся сусідній дім, який був майже поряд з нашим. Ранок, середина листопада. «Рідні діточки, – з криком забігла до нас в кімнату матуся, – вставайте скоріше, горимо». Нас, дітей, швидко одягнули і відвели в те місце, куди виносили все наше майно. Дим чорним густим стовпом піднімався у повітрі, а вогонь страшними язиками рвався в усі боки... З хвилини на хвилину потрібно було чекати, що раптом спалахне солом'яна покрівля і нашого будинку. «Діточки рідні, моліться!» – крикнула нам матуся, а сама швидко побігла винести що-небудь з дому. Я поглянув на церкву, швидко став на коліна і почав гаряче молитися.

То була молитва лише семирічного хлопчика. Глибокий крик материнського серця дав поштовх до неї і я молився. Три рази майже загоряється наш будинок, але Господь захистив його від вогню. Ось така сила дитячої молитви.

ЛИСТ ДО БОГА
(З книги «Десять заповідей Божих»)

В Петербурзі помер бідняк, залишивши дружину з трьома маленькими дітьми. У нещасних не вистачало навіть хліба. Одного разу, коли мати вийшла з дому, маленька дівчинка стала просити у старшого брата хліба. Але той не мав чим її нагодувати. Сестричка пла-кала, але як міг зарадити голоду братик. Хліба не було. Хлопчик вже вмів якось писати. У розpacії він вирішив написати листа до Самого Бога. «Святий, Милостивий Боже! Моя маленька сестричка хоче їсти. Ти пошли мені три копійки, щоб я купив їй хліба». Написавши це, він згорнув свій лист і побіг, аби вкинути його у поштову скриньку. Але хлопчик був ще малим, а скринька висіла високо, і він ніяк не міг до неї дотягнутися. В цей час проходив поблизу священик. Він взяв із рук хлопчика згорток паперу, прочитав і пішов у вдовину домівку. Переконавшись в бідності нещасної сім'ї, він залишив їм гроші. Наступної неділі батюшка у храмі говорив про милосердя, і згадав про лист хлопчика. Потім пішов по храму з блюдцем. Бідній сім'ї було зібрано 1500 рублів.

Молитва «Богородице Діво, радуйся...»

Агафанік ріс у благочестивій християнській сім'ї і з дитинства був навчений батьками кожен день обов'язково читати перед іконою Божої Матері молитву «Богородице Діво, радуйся...». Це він виконував з радістю, але як виріс, повсякденна суєта і турботи почали все більше відволікати його від Бога. Молитву читав уже рідко, а згодом і зовсім залишив. Так і жив.

Але Бог, бажаючи спасіння кожному, по-різному навертає людей до покаяння. Одного разу ввечері попросився до Агафана монах і після вечері сказав: «Коли я був у пустелі Фівайді, то бачив таке видіння: з'явилася Божа Матір і повеліла йти до Агафана, щоб запитати, чому він залишив молитву?» Та серце Агафана уже зачерствіло, він не мав що сказати, лише виправдовувався, говорячи про домашні клопоти, про життєві турботи, про те, що завжди обмаль часу. В кінці ще й насмілився дорікнути тим, що хоча і читав молитву, але не помічав від неї користі.

Тоді монах, терпляче вислухавши все, сказав йому: «Агафанику! А згадай, як ти чудом в дитинстві врятувався і не втопився. А пам'ятаєш, як кілька років тому назад страшна хвороба звела в могилу майже всіх твоїх сусідів, а ти залишився живий?.. Пам'ятаєш, як твій друг, який їхав з тобою на возі, впав і зламав собі ногу, а ти залишився неушкодженим?.. Згадай іншого свого друга, який лежить зараз розслаблений, а ти здоровий...»

Знітився Агафаник, похилив голову, розчулився, розтануло його серце і слези одна за одною почали капати на

землю, а старець все нагадував і нагадував випадки з його життя, які могли закінчитись для нього нещастям. А на закінчення лагідно сказав: «Знай, що весь час тоді тебе покривала і охороняла від біди і смерті Пресвята Богородиця за коротку твою молитву до Нії... Дивись, не залишай цієї молитви, інакше залишишся і без допомоги Божої Матері...»

(За книгою «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу...».)

О МОЛИТВЕ

«Выньте, так сказать, из самого существа мира молитву, – сделайте, чтобы язык мой, ум мой разучился словам ее, самому делу ее, чтобы я этого не мог, люди этого не могли: и я с выпученными глазами и ужасным воем выбежал бы из дома и бежал, бежал, пока не упал. Без молитвы – безумие и ужас»¹.

Эти слова Василия Васильевича Розанова из его книги «Уединенное» назвали главную болезнь нашего времени – безмолитвенность.

Говорить современному человеку о молитве – это значит прежде всего показать и доказать пользу и необходимость ее для жизни. Но наше практическое сознание улавливает, что вещественной, материальной пользы в молитве искать как-то не хорошо, – тогда зачем она?

Нельзя не сказать об особо утонченном типе практицизма, когда мы, зная о существовании невидимых (но могущественных) сил, хотим с ними договориться, чтобы и они нам послужили: прибегаем к молитве, чтобы получить силу, здоровье, богатство, власть. Все это результаты нашего извращенного сознания, и личного, и общественного. Общество долго навязывало нам ложные идеалы, настойчиво воспитывало искаженное мировоззрение, мы же, в свою очередь, не достаточно стремились к познанию истины и, когда рождались в нас вопросы о мире и жизни, о назначении человека, подавляли их удобными, примиряющими добро и зло формулами. Так что нельзя сказать, что у нас отняли молитву, но честнее – что мы ее сами не удержали, сами от нее ушли. Но может быть, все это нужно для того, чтобы лучше понять, что такое молитва?

Молитва – это поиск Бога, встреча и, наконец, духовное общение с Ним. Для атеиста, для того, кто не чувствует, что мир не случай но возник, а есть результат Божественного Творения, молитвы не может быть. Ибо молитва – это связь с центром жизни, с ее источником, истоком. Мир вокруг нас позволяет видеть лишь оболочки предметов.

Сущность и глубина невидимы глазом, но открыты сердцу человеческому. Главный «орган» молитвы – сердце, обращенное к центру мира и жизни, жаждущее постичь свое на-

значение и свою необходимость. Стремясь к центру жизни, мы прежде всего углубляемся в свое собственное сердце. Но процесс этот нельзя назвать самосозерцанием, так как нацелены мы не на видение своей пусты даже богатой» но всегда ограниченной индивидуальности, но на неизмеримость образа Божьего в нас. По словам Иоанна Златоуста, распахивая свое сердце, мы открываем врата Божий.

Молитва – совсем не медитация. Она – путь живого общения и единения. Молитва – это личная встреча Бога и человека. Это прежде всего желание встречи и желание единства. Но эта встреча страшна для нас. Мы можем быть довольны собой и даже любоваться собой, находясь вдали от Бога, но чем больше мы приближаемся к Нему, тем очевиднее контраст. Видение святости Божией и позволяло

святым познать свою греховность. Молитва – это путь, который приносит не волнующие переживания, а новую ответственность. В молитве мы узнаем себя, мир и Бога. Молитва – это путь духовного познания, ведения...

Пока мы пребывали в неведении, с нас был небольшой спрос, но, как только мы что-то узнали, мы становимся ответственными за употребление и применение этого знания. Мы ответственны за каждую частицу истины, нами узнанную. Мы не можем оставлять ее бездействующей, но обязаны проявлять ее в своем поведении. Молитва – это не теория, не умное учение, не рассказ о добре и истине, а сама деятельная жизнь. Человек прибегает к Богу, предстоит перед Ним и тем самым уже соделывает себя, зрит себя и,

получив откровение о себе, пытается воплотить его в жизнь. Молитвенные труды продолжаются в трудах обычной жизни, в делах милосердия и добра, в искренности, усердии, в просвещении и т.д.

Надо четко понимать, что во всем своем разнообразии и множестве жизнь строго иерархична, то есть всегда мы обнаруживаем в ней высшие и низшие ступени. Молитва не добавка ко множеству других занятий и вещей. Она не для полноты жизни, а для ее начала. Важно не только прийти ко Христу, но и жить со Христом. А это возможно только в молитве.

Вот почему Христос в Евангелии дает нам образец новой вседневной молитвы, начинающейся словами «Отче

Борис Кузнецов. *Молитва*

наш...». Принципиально новое знание получило человечество. Непостижимый и грозный Бог Ветхого Завета назван Отцом. Мы вместе со Христом творим эту молитву, молитву усыновления всего человечества. Христос – Сын Божий, и мы с Ним становимся сынами Божьими в молитве. Так что не договор лежит в основе молитвы, не просьба о том или ином даре, а прежде всего чувство сыновства, чувство любви к Богу, нашему терпеливейшему и многомилостивому Отцу, прощающему и щадящему нас всемерно. Что бы мы ни сотворили, Он от нас не отрекается – и не отречется. Мы вольны даже уйти от Него, но все равно останемся Его детьми.

Молитвенные отношения – это личные отношения человека и Бога, детей и Отца. В основе этого действия должно лежать глубокое искреннее желание общения. При всех наших недостоинствах мы дети Божий и можем говорить со своим Отцом. Мы не должны молиться – МЫ МОЖЕМ МОЛИТЬСЯ. И если мы уясним себе это высшее родство человека, то зачем же нам от этого отказываться?! Пусть даже мы и ушли из отчего дома, мы всегда можем вернуться в него, мы там не чужие. Молитва есть возвращение в отчий дом.

A. Сурова «Церковный год»

ВЫХОД ИЗ БРЕННЫХ НАШИХ ОКОВ

Молитва есть основное средство, что соединяет все разумные существа с их Создателем Богом. Она будет и в новой жизни их основным занятием и обязанностью. Молитва – это выход из бренных наших оков в область бесконечного, она выводит нас за те жалкие пределы, которыми мы ограничены, и дает ощущение безграничного и сверхъестественного.

Куда бы мы ни обращали внимание наше: от момента создания твари и потом, всюду присутствует молитва. Таким образом, молитва – это связь и единство твари с Богом и Творцом и их проекция в вечность. Она совершеннейший инструмент, который дает твари, человеку особенно, возможность действительного общения с его Создателем.

Впрочем, описать результат и превосходство этой добродетели, называемой молитвой, над прочими невозможно. Придите же все вы, *труждающиеся и обремененные*, обитающие в этом месте общего изгнания, придите в лоно матери добродетелей – в лоно молитвы, и она даст вам покой более, чем вы того ожидали и просили.

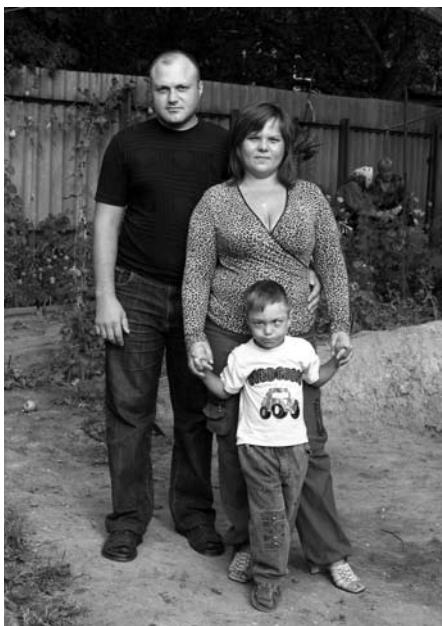
Если хочешь молиться как подобает, не огорчай никого, иначе всуе будешь молиться. То, что замышляешь против обидевшего тебя брата, будет тебе препятствием в молитве. Если держишь зло на кого-то, помолись о нем и прекратишь тем самым движение страсти, потому что молитва прогоняет печаль. Если же другой держит зло на тебя, окажи ему милость и смирись перед ним, постарайся приобрести его дружбу. Этим освободишь его от страсти.

У кого молитва не свободна от худых помыслов, тот подобен тому, кто собирается воевать без оружия. Потрудимся, как Давид, взывая: «Господи, Иисусе Христе!». Пусть горло охрипнет, но не устанут очи ума нашего иметь надежду на Господа Бога.

Тому, кто хочет получить пользу, нельзя посоветовать ничего лучше, как усердную молитву, правую веру и терпение в скорбях.

Старец Иосиф Ватопедский

Братья и сестры, Божьей милостью, вашими молитвами, трудами и пожертвованиями для Игорька уже собрана нужная сумма денег. На днях мы едем приобретать шунт, а в сентябре месяце будет решаться вопрос о назначении дня операции.

Со словами бесконечной благодарности обращаемся мы к вам, отцы и братья Свято-Покровского монастыря, прихожане, редакция «Покровского вестника» и все добрые люди, не безразличные к... нет, не к чужой беде, к беде ближнего своего. До нашего обращения к вам за помощью мы считали себя «среднестатистическими» православными христианами. Мы крещеные сами, крестили своего ребенка, старались жить по совести, иногда ходили в храм. Но частью Церкви Христовой почувствовали себя только сейчас, когда совсем незнакомые люди восприняли нашу боль – как свою собственную. За эти два месяца мы сроднились со многими и многими людьми независимо от того, приезжал ли кто лично, передавал ли пожертвования с просьбой помолиться за себя или своих близких также нуждающихся в помощи Божией, кто не мог пожертвовать денег, но добрым словом и святой молитвой поддерживал нас, а кто-то перевел большую сумму денег и даже не назвал своего имени. Господь знает все эти имена. Их много. Мир еще не безнадежен, поэтому захотелось стать лучше, захотелось молиться о прощении наших грехов и о наших благодетелях и обо всем мире! Воистину православные христиане – единокровные братья и сестры, едино тело Христово. Низкий всем вам поклон, спаси вас, Господи!

Семья Сависько

СЛОВО О ПРЕДТЕЧЕ,

произнесенное за всенощной 1 июня 1968 г.

в храме св. Иоанна Предтечи,
что на Красной Пресне (Москва)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Хочу сказать вам несколько слов о святом, который является покровителем этого храма.

По свидетельству Господню, никто рожденный на земле не был так велик, как святой Иоанн Предтеча. И когда вдумываешься в свидетельство Евангелия о нем, действительно захватывает дух. Но не только дух захватывает, — видишь в нем человека, который сумел так беспредельно, так неограниченно быть преданным своему Богу и своему земному призванию, и который может послужить каждому из нас примером и образом; потому что **каждый из нас в каком-то смысле, по отношению к тем, кто его окружает, является так часто предтечей Господним, является тем, кого Господь послал впереди Себя, чтобы принести людям слово и образ жизни, который подготовил бы их понять Христа, принять Христа.** И когда нашей жизнью мы посрамляем наше свидетельство, когда, глядя на нас, люди перестают верить и в наши слова, и в слова Христовы, то мы берем на себя страшную ответственность. Мы не только сами живем в суд себе и в осуждение, но мы других не влечем за собой туда, куда мы призваны их вести: к радости, к той радости, которой Господь нам оставил залог и которой никто не может отнять, но которой никто, кроме Господа, не может дать.

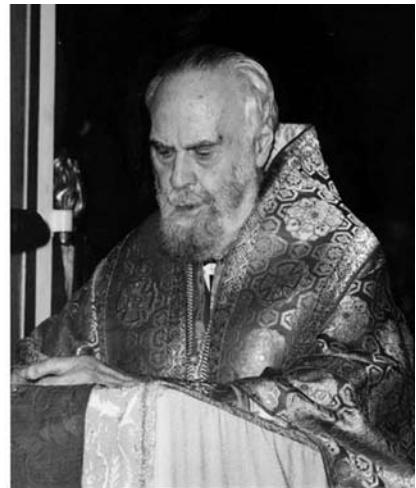
Вспомним несколько из тех выражений, которые употреблены Христом или Евангелием по отношению к Крестителю Иоанну. Первое, что мы о нем слышим, это то, что он — глас вопиющего в пустыне. Пустыня — это не только место ненаселенное, это место, где пусто; и так часто в человеческом сердце пусто, в человеческой жизни пусто. Не только нет содержания вечного, но нет вообще такого содержания, которым можно было бы жить. И в этом отношении мы окружены — все — людской пустыней. И вот, в этой пустыне и мы призваны, подобно Крестителю, свидетельствовать.

Свидетельство Иоанна Крестителя не началось словами. Раньше чем вернуться к людям и говорить, раньше чем властно требовать от них, чтобы

они стали достойны своего звания человека, он сам удалился в голую, жаркую пустыню и остался один с самим собой, лицом к лицу с самим собой перед очами Божиими. Иногда и нам приходится оставаться в таком одиночестве. Бывает это, когда нас оставят близкие, когда сделается вокруг нас пусто. Бывает это, когда нас тронет болезнь, и тогда, как бы ни были мы окружены заботой, мы чувствуем, что мы одиноки, потому что мы стоим теперь перед лицом жизни и смерти, там, где каждый человек один за себя будет решать вопрос жизни и смерти, не только временной, но и вечной. Бывает, что мы удалимся сами, для того чтобы прийти в себя, — и тогда мы знаем, как трудно бывает оставаться одному с самим собой, если к этому не привык. Делается боязно; тогда открывается перед нашим собственным взором внутренняя наша пустота, и в эту пустоту, в эту пустыню нам надлежит войти. Там будет одиноко, там будет пусто, там будет трудно жить, но только если мы сумеем жить в этой пустыне, с Богом Одним, сможем мы вернуться к людям, никогда не теряя Бога и способными, победив себя, победить все.

И вот Иоанн в течение свыше тридцати лет пребывал в пустыне, борясь со своим сердцем, борясь со своей жизнью, и вышел на проповедь, и засвидетельствован Богом как величайший, — но не только. Евангелие нам называет: его не пророком, а гласом. Он так сроднился с волей Божией, так стал един с тем животворным словом, которое ему надлежит произнести для спасения людей, для пробуждения людей, для того, чтобы в них тоже воссияла жизнь, возродилась радость, что он только голос. Это уже не человек, который говорит, это Бог вещает его гласом. Так говорили святые. Один из подвижников Афона, не так давно умерший — всего лишь тридцать лет тому назад — говорил: «Святые от себя не говорят; они говорят от Бога, и только». Иоанн отверг все земное для того, чтобы принадлежать Богу, и Господь его вернул к этой земле, Господь не оставил его в далекой пустыне. Господь, когда стал с Иоанном неразлучным, послал его к людям, чтобы и другие люди зажили той жизнью, которую познал Иоанн.

И вот ставится вопрос перед каждым из нас: есть ли во мне такая жизнь, которой я могу зажечь другого человека?

Где эта жизнь во мне? Когда меня люди встречают, они загораются ли? Когда люди меня слышат, трепещет ли их сердце? – как Евангелие говорит о спутниках Эммаусских: горело сердце в них. Когда люди видят нашу жизнь, разве они говорят о нас, как говорили о первых христианах: «Как они друг друга любят!» Разве слыши, видя нас, люди дивятся тому, что у нас есть что-то, чего ни у кого нет? А если это так, то мы не пошли даже путем предшественника, мы не готовы принести Христа людям, мы не готовы даже проложить Ему дорожку, чтобы Он нашел как-то путь Себе. А мы призваны быть теми, кто готовит радость людям, радость встречи с Богом, радость, которой никогда не будет конца и которой никто, ничто не может отнять. Почему это так? Да потому, что мы хотим жить на своих правах, мы хотим жить для себя, мы не хотим сходить на нет. А вот что говорит Евангелие о Иоанне Крестителе. Свидетельствуя перед людьми о том, кто он сам есть, Креститель говорит: мне надо умалиться, на нет сходить, для того чтобы Он вырос в полную меру... Сам он – только предтеча, он должен открыть дверь и отойти, так, чтобы о нем больше не вспомнили люди, вдруг увидев Христа и все забыв в этой радости.

Сходить на нет, приготовив путь Господень... Кто из нас это умеет делать? Кто из нас, оживив чью-нибудь душу хотя бы добрым словом, не хочет остаться в этой радости взаимного общения? Кто, сказав животворное слово, иногда нечаянно, когда Господь нам дает, не хочет, чтобы вспомнили и никогда не забыли, что было сказано это слово именно им?

Креститель о себе еще говорит: я – друг жениха. Что это за друг жениха? В древности, еврейской как и языческой, у жениха был друг, который заботился обо всем для брака, и который после совершения брака приводил к брачной комнате невесту и жениха, оставался за дверью и сторожил, чтобы никто не прервал их глубокой, таинственной встречи в дивной брачной любви. Он был другом, потому что умел оставаться за дверью, оставаться за пределом. Радость его была совершенна тем, что радость жениха и невесты теперь была совершенна, они остались вдвоем, и он был защитником этой встречи. Еще скажу: кто из нас умеет так поступить с чужой радостью? Все сделай, чтобы эта радость случилась, все сделать, чтобы она вспыхнула вечным светом, и отойти, уберечь ее, охранить ее, и оставаться забытым за закрытой дверью.

Вот еще образ о нем, последний образ. Его умаление, его схождение на нет дошло почти до предела. Он взят в тюрьму за правдивое, честное слово. Христос остался на свободе, Он проповедует, к Нему перешли ученики Иоанновы, Он окружен Своими учениками, Он вырос в полную меру Своего земного призыва. Иоанн знает, что на него идет смерть, что из тюрьмы он не выйдет, и вдруг его охватывает сомнение. Он посыпает двух своих учеников ко Христу, спросить Его, – он, который на берегу Иордана реки перед всеми засвидетельствовал, Кто грядущий Христос – он посыпает двух своих учеников ко Христу, спросить: Ты ли Тот, которого мы ожидали, или нам ожи-

дать другого?.. Иначе сказать: Ты ли на самом деле Тот, о Котором я принес свое свидетельство, или я ошибся?.. Если он ошибся, то напрасно он погубил юные годы в пустыне, напрасно он выходил к людям, напрасно он теперь в тюрьме, напрасно он умрет, напрасно все. Напрасно даже то свидетельство, которое он принес Христу, и он обманут Самим Богом. И колеблется самая сильная душа, которая когда-либо была на земле. И Христос не отвечает ему. Христос не отнимает у него полноты подвига веры и подвига верности до конца. Вопрошающим Его ученикам Христос говорит: Скажите Иоанну, что вы видите, – слепые видят, хромые; ходят, нищие благовествуют; блажен тот, кто не соблазняется о Мне... Слова, когда-то, столетиями до этого, написанные пророком Исаией; и ученики возвращаются с этим словом.

Остается Иоанну войти внутрь себя и поставить перед собой вопрос: когда он был в пустыне один перед лицом Божиим, правда это была или внутренняя ложь? Когда он вышел из пустыни проповедовать, и потрясал людей, обновляя их жизнь, приводил их к новой жизни, к новизне к весне духовной – правда это была или нет? Когда он увидел Христа и прозрел в Нем Грядущего – правда это была или нет?.. И Иоанн умер в вере и в безусловной верности.

Как часто бывает, что колеблется наша душа, что после того, как мы сделали все, что должны были сделать, сказали доброе слово, правдивое слово, сделали все, что только мы могли, для того чтобы другой человек ожил радостью и воскрес душой и начал жить весенней жизнью вечности вдруг находит колебание. Устала душа, меркнет жизнь клонится ваша глава к земле... Стоило ли все это делать? Я не вижу плода, я не знаю, что будет, а погубило я столько сил, столько надежды, столько веры, столько любви. Стоило ли все это делать?.. И Господь нам не отвечает на это свидетельством успеха. Он нам говорит: Достаточно того, что все это было правда, что все это было добро, достаточно тебе того, что ты сделал то, что надо было. В этом все. И вот, перед каждым из нас стоит этот образ Крестителя. **Каждый из нас друг ко другу, к каждому другому, послан как предтеча, чтобы сказать слово настолько чистое, настолько свободное от себя самого, от себялюбия, от тщеславия, от всего того, что делает каждое наше слово мелким, пустым, ничтожным, гнилым. Делаем ли мы это с готовностью сойти на нет, только бы из этого человека вырос живой человек, невеста вечной жизни?.. А когда все это сделано, готов ли я сказать с радостью: Да, пусть свершится последнее, пусть и не вспомнят обо мне, пусть жених и невеста встретятся, а я сойду в смерть, в забвение, вернувшись в ничто?.. Готовы ли мы на это? Если нет – как слаба наша любовь даже к тем, кого мы любим! А что сказать о тех, корыте нам так часто чужды, безразличны?.. Вот будем часто, часто вглядываться в этот величественный, но человеческий образ Крестителя, и будем учиться, как живет настоящий, цельный человек, и попробуем хоть в малом так дорожить, изо всех сил, даже если их немного, но без остатка, до последней капли нашей живой силы. Аминь.**

Антоний Сурожский

Эта история произошла прошедшим летом с моим 21-летним сыном, живущим в Подмосковье.

Он возвращался к себе домой из Москвы в пригородной электричке. Как обычно, в час пик вагон был переполнен. По своему обыкновению Даниил достал карманный молитвослов и, держась за поручень, начал читать про себя вечернее правило.

Неожиданно к нему обратился сидящий рядом мужчина лет 30:

– Молодой человек, можно посмотреть вашу книгу?

Даниил растерялся.

– Да ведь это не книга, вернее, не художественная книга. Это молитвослов православный.

– Да-да, я понимаю. Очень вас прошу, разрешите посмотреть.

Сын протянул незнакомцу небольшую черную книжку в твердом переплете. Тот взял ее и углубился в чтение. Перелистывая страницы, он делал какие-то восторженные замечания, типа «Да, вот-вот, именно, точно!» и т.д. По некоторым же его высказываниям у окружающих складывалось впечатление, что текст молитв хорошо знаком ему, он прекрасно разбирается в них, просто по каким-то причинам был лишен любимого чтения и теперь словно встретил давнего друга.

Через некоторое время молодой человек встал и попытался усадить Даниила:

– Садитесь, пожалуйста, садитесь.

Мой сын растерялся еще больше. Он не привык, чтобы ему в его возрасте уступали место. Но незнакомец, видимо, не смог сидя читать молитвы. Он продолжал чтение стоя. Приближалась станция Большево. Даниил стал пробираться к выходу.

– Пойдемте, я провожу вас, – предложил незнакомец.

В тамбуре они разговорились.

– Понимаете, у меня, в общем-то, все благополучно. Голова на плечах, руки-ноги на месте, здоровье – все есть. Но жизнь как-то не клеится. Чего-то катастрофически не хватает, как не хватало и всю жизнь. Нет чего-то самого

главного, определяющего, того, что направляло бы и давало жизни стимул, цель.

Я всегда думал: как при видимом благополучии человек не ощущает счастья? И где его искать? Люди мечутся, меняют работу, жену, убегают в горы, на край света, а кто-то – в пьянство, наркотики, но ведь и это не помогает!

И вдруг сегодня, когда я увидел в Ваших руках эту книжку, у меня защемило сердце. Я не религиозен, никогда не был в храме, но увидев Вас, я подумал: вот этот человек, наверное, знает. Читая (впервые в жизни!) православные молитвы на полузнакомом языке, я почувствовал, что вот, наконец, я нахожу ответы на те мучительные вопросы, которые стали мне уже казаться неразрешимыми. Это и есть то, самое главное, что помогает людям жить, и без чего жизнь (вот, как моя) кажется сном, чем-то ненастоящим, всего лишь предисловием к чему-то главному.

Как Вы думаете, можно ли мне прийти в храм? Ведь я не крещен и к тому же... еврей.

– Конечно, приходите. Господь всех любит и всех призывает к Себе. Ему нужно ваше сердце, а не национальность.

«Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему и буду вечерять с ним, и он со Мною» (Откр. 3, 20). Господь стучит в каждое сердце. К кому-то – внезапной потерей благополучия, болезнью, несчастьем, заставляющим остановиться в этой бешеной гонке за земными благами и оглядываться, задуматься. К кому-то –

встречей с удивительным человеком. К кому-то – вот этой маленькой черной книжечкой в руках случайного (случайного ли?) попутчика.

Важно расслышать этот стук и не отмахнуться от него: расслышать сквозь шум поезда, повседневную суету в заботах о хлебе насущном или, что труднее всего, в упоении собственными талантами, признанием и славой.

И как же важно затем ответить на этот призыв, ответить всем существом, всей жизнью своей. Чтобы не оказалось однажды, что прожитая жизнь по сути так и не началась, а все, что было – лишь пустой и бессмысленный сон.

Любовь Кантаржи

ВСТРЕЧА

Читаем вместе

ЖИВЫЙ В ПОМОЩИ ВЫШНЯГО...

Четыре путеводителя добной жизни:
страх Божий, мудрость, трезвость, труд

Протоиерей Иоанн Наумович († 1891)

Продолжение. Начало в ПВ № 8(17).

Давно это было, когда на Воле помер священник, оставил вдову с малыми детскими. Покойный батюшка наш, отец Андрей Левицкий – упокой, Господи, душу его со святыми! – заведовал тем приходом. Тот год, в самую Пасху, чего исстари никто у нас не припомнит, поднялась вдруг ужасная метель, да с такою стужею, что страшно было со двора выйти. Отслужив службу, отец Андрей зовет меня: «А мне ведь, – говорит, – надо ехать на Волю. Горе да и только: кобылица моя жеребая, дорогу замело, – того гляди не доеду». Не успел досказать, как я уж смекнул, в чем дело, да и говорю: «Сейчас, батюшка, я своих лошадок пойду запрягу». Ему, покойному отцу Андрею, да и никому из духовных отцов я никогда не отказывал ни в какой услуге: так мне завещал мой родитель, а он принял это от деда моего. Побежал я, запряг своих сивков, сели мы вдвоем с батюшкой в сани и поехали; Чуть выехали на задворки – беда, светапреставление! В глаза бьет снег с крупой, сугробы намело, как горы. «Как бы нам не сбиться с дороги, – сказывает батюшка, – не подождать ли уж рассвета?» «Нет, – говорю, – дайте выехать в поле, там легче будет». Выехали в поле, насили тащимся шагом по сугробам, – темень, метель! Смотрим во все глаза – хвоста лошадиного не видать! Начинаем мерзнуть. «Никак, – говорю, – батюшка, мы с дороги сбились, да плутаем, – где ж тут Воля, коли тут крест какой-то, а там креста нету?!» Слез батюшка с саней, ощупал – крест стоит! «Верно, – говорит, – сбились с дороги и где мы – неизвестно». Занесло нас совсем, лошадки мокрые, как из воды вытащены, только сосульки у них на гривах побрякивают, – Ни вперед нам, ни назад! Тут батюшка и говорит: «Вернемся домой!» «Куда ж, – отвечаю, – теперь домой, коли и след наш уже замело?» «Ну, так поезжай, – говорит, – куда хочешь, только на месте не стой, потому что этак и мы замерзнем, и лошади». Ударил я по лошадям, – снова поехали. Еду, еду, еду, – ничего ровнехонько перед собой не вижу, чувствую только, что еду. Вдруг будто сила какая схватила меня за руки: «Останови лошадей!» «Тпру-у-у!» – подобрал я вожжи, лошади стали. «Что ты стал, Онуфрий? – спрашивает батюшка. – Поезжай, не стой:шибко мороз пробирает». У меня тоже руки окоченели, и веки на глазах смерзлись, а отчего-то я все-таки остановился. «Ну, – говорит отец Андрей, – коли уж остановился, так слезай, посмотри, нет ли какого следа, не заметишь ли чего-нибудь». Так я и сделал, но только ступнул – да и рухнул куда-то. Кричу: «Спасите!» Ухватился руками за какой-то куст и повис на уступе глубокого оврага, над самою пропастью: слышу, как плещут

подо мною волны и шумят, стакиваясь, льдины. Батюшка соскочил с саней, схватил меня за руки да с великим трудом втащил обратно на верх уступа. К этому времени немножко уж рассвело, – осмотрели мы место, да так руками и всплеснули: один только еще шаг – и смерть бы неминучая и нам самим, и лошадям! Пали мы оба на колени, помолились и поблагодарили Господа Бога, что чудом таким спас Он обоих нас от погибели. Тут мы опознали место и повернули на Волю. Дорогой я и спрашиваю:

– Батюшка! Что это такое было, что мне будто кто-то крикнул: «стой», будто схватил кто за руки?

– Будто ты и не знаешь? – говорит. – Это ангел-хранитель.

– А чей, – говорю, – ваш или мой?

– Вот это неведомо: мой ли, твой или, может, твоего или моего младенца невинного. Мы ведь с тобой грешные люди.

После этого, Никола, я хорошо понял слова псалма: яко ангелом своим заповесть о тебе, сохраниши тя во всех путях твоих... И далее там сказано: на аспида и василиска наступиши ногой без вреда и победиши льва и змия. И все это верно, все истина!

Николай. Право, дедушка, от тебя я больше узнаю, больше научусь уму-разуму, чем в какой-нибудь школе.

Онуфрий. Кончим; пора тебе домой, – наши уж собираются в церковь, к вечерней да на беседу.

Николай. Я бы слушал тебя день и ночь!

Онуфрий. Коли хочешь, будешь и слушать. Приходи ко мне по воскресеньям, а то и всякий вечер, пожалуй, – я много, много порасскажу тебе кой-чего, потому что я много видел и много слыхал на веку своем. Ну, как же там далее сказано? Яко на мя упова, и избавлю и: покрою и, яко позна имя Мое. Это понимаешь?

Николай. Понимаю.

Онуфрий. Воззовет ко Мне, и услышу его: с ним есмь в скорби, изуму его и прославлю его.

В нужде, в беде, в горе Бог будет с тобой, и легче тебе будет, и не впадешь в отчаяние. Бог выведет тебя из всякой опасности да еще и прославит тебя. Расскажу тебе то, что сам испытал. Ведь и моя жизнь была не без опасностей и не без врагов.

Николай. И исчезли враги ваши?

Онуфрий. Вот как было дело. У нас на посаде, при самом въезде, в том месте, где каменный дом рыжего еврея Хаскеля, стоял еще старый деревянный, и жил в нем очень юркий жидок Мендель, бросавшийся на всякие предприятия. Наши посадские повадились ходить к нему на выпивку, на медок;

бывал и я, хоть и не часто, за компанию с приятелями. Жидок продавал и билеты-лотереи от начальства. Вот однажды выпили мы с приятелем по стаканчику меду, и взяла меня охота попытать счастья. Вынул я деньги да и говорю Менделю: подай билеты! Полез он в ящик, вынул три номера, записал их, – взял расписку, завернул ее в бумажку и сунул в карман. В ближайшую субботу случился во Львове розыгрыш, и мои номера выиграли. А был у нас на посаде пьяница горький – Бартушкевичем звали, – отставной полицейский чиновник, за пьянство изгнанный со службы, шатавшийся по жидовским домам, подбивавший посадских заводить тяжбы, да строчивший им прошения. На ту пору, как привезли номера из Львова, он как раз был у Менделя. Еврей взял свою книжку с номерами, стал отмечать в ней выигрыши; Бартушкевич тоже наклонился над столом и смотрел в книжку – не выиграл ли кто из посадских, рассчитывая на выпивку от счастливца.

И вдруг Бартушкевич как крикнет не своим голосом: «Тройной выигрыш! Все три номера выиграли!» Жид аж побледнел и весь затрясся.

– И славный выигрыш – 400 червонцев, – продолжает Бартушкевич.

Жид схватил его за плечо: молчи! Тот не унимается:

– А кто выиграл, знаешь, Мендель? Онуфрий Грушкевич! Я знаю, я был тогда, как он ставил. Первая ставка была

Деребецкого, вторая Микитовича, – по полтиннику ставили... А потом пришел Онуфрий, и поставил целый рубль. Не так ли?

– Так, – говорит еврей, – но молчи, не болтай!

– Зачем молчать? Я сейчас пойду скажу ему: он человек хороший, не пожалеет за такое известие десяти рублей, а может и больше даст, и пропьем...

– А я, – сказывает жид, – дам сто, надо только иметь ум... Видишь, тут никого нет...

– Ну, так что ж?

– А вот что... Кроме нас двоих, никто ведь не знает, что выиграл Грушкевич и что у него расписка.

– Ну...

– Ну... Так не велика хитрость расписку у него из мошны вынуть, а на ее место положить другую.

– Ну, нет, велика! – отвечает Бартушкевич. – Онуфрий ведь никогда больше одного стакана не пьет.

– Можно поднести медку покрепче, позабористее, понимаешь?

– А! – говорит Бартушкевич. – Понимаю! Этакого, значит, меду крепкого, с белым порошком?

– Хоть бы и так! – сказывает жид.

– А полиция, судебный следователь, а доктор, следствие, комиссия, вскрытие...

– Ай-вай! – крикнул жид. – Ты так говоришь, будто ты никогда не бывал полицейским чиновником и не умеешь обдевывать такие дела! Ведь ты знаешь, что доктора скажут, ежели с ними сначала хорошенко побеседовать... Скажут: «Удар, помер скоропостижно». Судья наш Подгурский тоже не станет мешать, когда получит, что будет следовать на его честь, и все будет ладно.

– Н-да, пожалуй... Ну, Мендель, так и быть, пусть будет по-твоему!.. А мне сколько?

– Сто рублей.

– Мало.

– Ну, так сколько же?

– Сто червонцев.

Жид хотел возражать, но одумался, они ударили по рукам и тут же выпили по стакану медку за мою погибель.

А я и думать забыл про лотерею. Только накануне того дня снится мне широкая и глубокая яма; хочу через нее перескочить, прыгаю и на другой стороне падаю на крест, а крест тот перепачкан в грязи. Тут я проснулся, ощупываю кругом себя: слава Тебе, Господи, – я на своей постели, это только сон. Не успел я одеться и Богу помолиться, приходит Мендель.

– Пан Грушкевич, я к вам с большой просьбой. Есть хорошенъкое дельце – ай-вай, какое хорошенъкое! Дешево продаются дом: нужно внести задаток, а денег-то у меня как раз и нет. Деньги все по людям на процентах. Прошу вас, ссудите 200 рублей под расписку, – отличный процент дам.

Деньги у меня лежали без дела, – отчего, думаю, не дать? Пусть берет жид!

Полез я в сундук, вытащил мешок серебряных денег, отсчитал ровно 200 рублей, завязал в тряпичку и положил на стол.

– Ну, дай же вам Бог здоровья, – говорит Мендель, – что выручили в нужде. Пойдемте теперь ко мне, я напишу вам расписку.

— Пиши здесь, я сам пошлю купить гербовую марку.
— Как же стану я здесь писать?! А где же будут наши магарычи?

— Коли за этим дело стало, так и у меня найдутся.

— Нет, таких, как у меня, не найдется! Я ведь знаю, вы любите при случае полакомиться стаканчиком старого янтарного медку, того, что у меня покупают только для больших господ.

— Куда, — говорю, — в такую рань мэды распивать!?

— Отчего же? У меня есть рыбка вкусная, знаете, по нашему, по-еврейски, приготовленная. Под такую рыбку медок со вкусом пьется, хоть бы и до свету.

Признаться, соблазнил меня жид, слюнки потекли у меня на еврейскую рыбку; беру тряпичку с деньгами в руки, — идем!

У Менделя мы застали Бартушкевича, бывшего уже крепко навеселе. Когда мы вошли, он приподнялся с места, качнулся как бы для поклона, мотнул головой, погладил ус, опрокинул в себя остаток водки из стоявшего перед ним шкалика, сплюнул и опять сел.

Мендель стер пыль с лавки и попросил меня садиться, подошел к Бартушкевичу, посмотрел на него как-то особенно, в упор, и положил перед ним приготовленную заранее марку из шкафчика.

— Двести рублей на год по шести процентов? — спрашивает Бартушкевич.

Я кивнул. Бартушкевич, старый приказный, мигом со стряпал расписку, еврей подписал.

— А свидетели? — спрашиваю.

В ту самую минуту в шинок вошли двое мещан и подписались за свидетелей. Получив от Менделя по стакану водки, мещане пошли, куда им нужно было.

Меж тем стол накрыли, поставили блюдо рыбы с разными душистыми приправами и с перцем, положили витой еврейский калач. Стали мы с Бартушкевичем уплетать рыбку за обе щеки, и когда все начисто съели, явился Мендель с янтарным медком. Первый стакан он поставил передо мной, второй перед Бартушкевичем и третий себе.

— Ну, дай же нам, Боже, здоровья!

Взял я стакан, хочу поднести к губам и вижу: мед подернулся какою-то беловатою пленкой. Я сдул ее, откусал немного и только хотел глотнуть порядком, — вдруг на дворе как поднимется шум, крик, вопль! Мы разом вскочили на ноги, бросили стаканы и побежали на улицу.

Оказалось, поймали вора: мужичонка какой-то стащил у еврея мешок с телеги и бросился бежать по улице. Евреи его догнали, схватили, — бьют, таскают за волосы, топчут ногами; мужик ревет благим матом... Сбежался целый кагал евреев со всего посада, всякий кричит: «А бей! А бей!» — и колотят несчастного чем попало. Меж тем жидок, Мендлев сын, смекнул, что в шинке никого нет, что никто его не увидит, — хватать из одного стакана, хватать из другого, — глотнул медку порядочно. Тут вдруг ему бросилось в глаза, что из одного стакана, из моего, хвачено слишком много, заметно будет. Что делать? Недолго думая, берет жидок да и переменяет стаканы: мой ставит перед Бартушкевичевым местом, а его перед моим. Когда перепалка кончилась, и вора полицейские стащили в участок, входим мы обратно в шинок, садимся на прежние места: вижу я, что из стакана порядочно

отпито, но не обращаю на это внимания, продолжаю пить и осушаю стаканы до дна. Мендель налил было мне еще стакан, но у меня тогда было правило: никак больше одного стакана не пить. Беру расписку, прячу в карман и хочу уходить... Вдруг вижу: у Бартушкевича губы совсем посинели, глаза выкатились... Он с трудом приподнялся с места, зашатался на ногах, как пьяный, и со всего размаху грохнулся наземь.

— Пьян? Нет, не пьян!

— Пьян! — говорит Мендель. Смотрю я на еврея: побледнел, как полотно, и тряслется весь, как в лихорадке.

Вот те на! Гляжу: жидок тоже бегает по избе, скорчившись в три погибели и ухватившись за живот обеими руками: «Ай-вай, вай!» Чувствую сам: не хорошо мне, что-то тошнит... Мед, должно быть, какой-нибудь таковой скверный... Я к печи, вытащил горшок с теплой водой, стал пить ее насыщенно и выпил с полчетверти... Вернулся жиду весь его мед и всю рыбку, и тем спасся. Смотрю: жидок лежит уж на полу, а Мендель наклонился к нему и спрашивает по-своему, по-еврейски: не пил ли он меда? Жидок кивнул головой, что пил. Стали лить ему в рот теплую воду, да он уж стиснул зубы и выпучил помертвевые глаза. Бартушкевич бьется в предсмертных корчах, но собрал последние силы и говорит: «Грушкевич, ты выиграл все три номера; жид хотел тебя отравить, а отправил меня... Мендель меня отравил, Мендель!.. Он хотел вынуть у тебя из кармана твою лотерейную расписку... Стаканы переменили... Ох, ох!» — и захрипел предсмертным стоном.

В шинке ни живой души чужих не было, одни только еврейки выли, растирая и обливая водой своего Хaima. Но Хaimu все это было уже не нужно: лишь по временам он еще подергивал то одной ногой, то другой, и изо рта у него сочилась пена с кровью. Бартушкевич был немного сильнее и промучился дольше; наконец, и он заревел в последний раз, как дикий зверь, и затих. Смотрю я на все эти чудеса и знаю уже, что такое и отчего случилось, но не знаю, как мне быть и что делать, — стою, пью теплую воду, чувствую, что гибель пронеслась уже над моей головой, и повторяю себе в душе: падут во мрежу свою грешницы: един есть аз, дондеже прейду. Ах, какая истина, какая святая правда в этих словах сто сорокового псалма! Впадут грешники в сеть, ими самими расставленную, я один останусь! Попал Мендель в сеть свою: лишился единственного сына, кормильца и опоры в старости; погиб Бартушкевич, злоумышливший вместе с ним на жизнь мою. Пораздумав обо всем этом, беру шапку и хочу уходить, но не тут-то было! Корчмарь Мендель, видя, что на полу уже два трупа, а я жив и здоров, обо всем знаю и с лотерейной распиской в кармане собираюсь уходить, спохватился, стремглав бросается на улицу, запирает свое заведение на замок и поднимает ужаснейшую тревогу. На крик сбежались евреи, галдят, шумят, потом все разом устремляются в избу, чтобы убить меня, как будто я виновник смерти двух человек. Изорвали на мне всю одежду, избили меня, исцарапали, изувечили, точно Аманову куклу в жидовский свой праздник Пурим, наконец, вытащили на улицу и связали по рукам веревками.

Что дальше они со мной делали — не знаю: очнулся уже в арестантской, на соломе, без одежды, без шапки, без кошелька, а там было у меня немало наличных денег, еврейская

расписка на 200 рублей и лотерейная расписка на выигрыш в 400 червонцев. Открыл глаза, смотрю на себя и дивлюсь: что такое со мной случилось? Хочу встать - не могу, ноги изранены, на спине вздулся желвак в добрую тыкву, волосы на голове повырваны, под глазами кровоподтеки... Тут вспомнились мне Бартушкевич, Мендель и его Хаим, пришел тоже на ум и сон мой: яма глубокая и широкая, - гибель неминуемая была передо мной; я перескочил через яму, - Господь спас меня; но упал я на крест, испачканный грязью, - понес муку от еврейских рук... Боже, Боже!

Сижу на соломе в арестантской и ничего не могу выговорить, кроме: «Господи, помилуй!» Сто раз повторил я слова эти, и все никакие другие найдут на уста. И думаю я себе:

вот мне не раз приходило в голову, зачем это на полунощнице или на часах положено читать «Господи, помилуй» сорок раз? Теперь я знаю, что сорок раз – не слишком много: сидя в арестантской, во весь день я больше четырехсот раз проговорил эти слова – и не было слишком много! Эти сорок «Господи, помилуй» положено читать, я уверен, за таких несчастливцев, как я тогда был, – попавших в тяжкую беду и невинно претерпевающих муки...

Николай. Что ж потом было с тобой?

Онуфрий. Погоди, сынок, надо пойти отправить наших в церковь к вечерней и на беседу. Но сегодня я уж доскажу-таки эту историю.

Продолжение в следующем номере

О Псалтири

Продолжение. (Начало в «ПВ» №8 (17))

Много людей читают Псалтирь, но все-таки большая часть христиан забыла о сей богоухновенной книге, заменив ее чтением акафистов и других молитвословий, хотя это и не целесообразно, т.к. Псалтирь написана Духом Святым. «Все священное Писание полезно, и чтение его немало причиняет неприятностей демону, но ничто так не сокрушает его, как Псалтирь. Упражняясь в псалмопении, мы, с одной стороны, возносим молитвы Богу, с другой, – проклинаем диавола. Так мы молимся, произнося: *Помилуй мя, Боже, по велицей милости твоей и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое* (Пс.50, 3), также: *Не отверже мене от лица Твоего, и Духа Святаго не отыми от мене* (Пс.50,13); *Не отвержи мене во время старости, внегда оскудевати крепости моей, не остави мене* (Пс.70,9). С другой стороны, проклинаем демонов: *Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящий Его* (Пс.67,2); равным образом: *Расточи языки, хотящия браны* (Пс.67,31), или: *Видех нечестиваго, превозносящая и высяща, яко кедры ливанския, и мимо идох, и се не бе, и взысках, и не обретеся место его* (Пс.36, 35-36); еще: *Желчь их да внидет в сердца их* (Пс.36,15), или также: *Ров изры, и скопа и, и падет в яму, юже содела. Обратится болезнь его на главу его, и на верх его неправда его снидет* (Пс.7,16-17) – сказал Маркел-пресвитер скитский из Лавры Келий.

Наши предки никогда не расставались с этой книгой, они даже учились грамоте по ней. Как это хорошо вместе с грамотой человек научился и страху Божию. Существует много способов чтения Псалтири: келейно, во время богослужения, об усопшем, во время молебных пений.

Если христианин решил читать Псалтирь келейно, прежде всего он должен взять благословение у духовника (свя-

щенника, с которым он советуется по вопросам духовной жизни (*Как найти духовника, смотри «ПВ» № 6(15) июнь 2009г.*) и с глубоким смиренiem приступить к сему спасительному делу. Открыв книгу псалмов необходимо найти молитвы перед началом чтения псалтири – с них и начинается чтение. После, – «*Приидите, поклонимся...*» постой немного, пускай чувства утихнут. Затем не спеша со вниманием, начинай: «*Блажен муж...*».

Необходимо обратить внимание на то, что Псалтирь разделена на 20 кафизм, каждая кафизма, в свою очередь, разделена на три «Славы». Дойдя до первой «Славы» нужно читать: *Слава Отцу и Сыну и Святому Духу и Ныне и присно и во веки веков. Аминь. Алилуя, Алилуя, Алилуя. Слава тебе Боже. 3 раза. (Если желаешь о ком-то помолиться, здесь поминаются их имена) Господи помилуй. 3 раза. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу и Ныне и присно и во веки веков.*

И продолжай дальше. Прочитав все три «Славы», читай молитвы по кафизме.

Если желаешь молиться о здравии, то на «Славах» поминай только живых, если о упокоении – усопших, можно поминать две «Славы» о здравии и одна о упокоении. Прочитав всю Псалтирь и Песни Священного Писания (по желанию или благословению) читай «Молитвы по прочтении нескольких кафизм или всей Псалтыри». Если читаешь Псалтирь о новопреставленном то на каждой «Славе» читай положенную в псалтыре молитву «*Помяни Господи Боже наш...*», а вместо молитв по прочтении кафизмы читай положенные в книге молитвы о усопшем. Правило чтения псалтири, может быть изменено по благословению духовника соответственно с возможностями пасомого.

Продолжение следует.

Игумен Глеб (Свидло)

Братья и сестры!

Напоминаем вам, что в нашей святой обители по-прежнему ведется летопись о случаях чудесной помощи Божией. Оставить свои свидетельства о славе Божией вы можете в Книге регистрации, которая находится в «Монастырской лавке» Свято-Покровского мужского монастыря.

В Крестовоздвиженском храме нашей святой обители необходимо произвести обновление настенной росписи – иконы святого Серафима Саровского.

Стоимость этих работ – 2 500 грн.

Рабы Божии, желающие принять участие в этом богоугодном деле могут внести свой посильный вклад. Передать пожертвования можно через монаха Клеопу или редакцию «Покровского вестника». Конт. Тел. 755-00-60.

*Пожертвования на реставрацию и восстановление
нашей святой обители просим перечислять
на р/с 260023013071, Код ОКПО 23006991, МФО 351931
в АКБ «Золотые ворота» г.Харьков. Получатель:
Свято-Покровский мужской монастырь.*

Редакция приносит свои извинения за ошибки, допущенные на страницах «Покровского вестника»

Убедительная просьба не использовать газету в бытовых целях. Если она вам больше не нужна – передайте ее другим людям.

Покровский вестник. № 9(18), сентябрь 2009 г.
Ежемесячное издание Свято-Покровского
мужского монастыря.
Выходит на русском языке.
Тираж 1000 экз. Цена договорная.
Редактор игумен Глеб (Свидло)
Редакколлегия: Станкевич А., Смоляков С.,
Савицкая А., Еременко А.
Дизайн и макетирование
Л.И. Иосипенко

Свято-Покровский мужской монастырь.
61003, г. Харьков,
ул. Университетская, 8/10.
Т.деж. монастыря: +38 (057) 731 50 30,
Т.редакции: 755 00 60, 8 063 158 86 94.
E-mail: pokrovsk0vestnik@mail.ru
Отпечатано в ФЛП Любова Т.В.
Инд. код 2897213688.
61120, г. Харьков,
пр. Тракторостроителей, 67, к. 82.

Взгляды авторов не всегда совпадают
с точкой зрения редакции.
Ответственность за достоверность
публикуемой в номере информации несет ее
автор.

Редакция с благодарностью примет
материалы, соответствующие духу и на-
правлению нашего издания. Публикации не
оплачиваются.
Рукописи не возвращаются.

РАСПИСАНИЕ БОГОСЛУЖЕНИЙ

Богослужения совершаются ежедневно.

6.00 Полунощница

6.30 Часы, Божественная Литургия, молебен
празднику и панихида

9.30 Заказные молебны

17.00 Вечернее Богослужение

В воскресные и праздничные дни

6.30 и 8.30 утра – совершаются две Божественные
Литургии.

В **16.00** совершаются водоосвятные молебны с
чтением акафиста:

по вторникам – св. мчч. Киприану и Иустине;

по средам – св. мчч. Гурию, Самону и Авиву;

по четвергам – Божией Матери перед иконой Её
«Неупиваемая Чаша»;

по пятницам – свт. Луке, Архиепископу Крымскому.